

Metropoolia

Sest sina saad Kristuse
tunnistajaks kõigile inimestele
selles, mida sa oled näinud
ja kuulnud. (Ap. 22,15)

Me tunnistame armu,
kuulutame halastust,
ei varja heategusid.
(Suurest veepühitsuspalvest)

Hävitatud jumalakoda Kiievi lähedal Bobriki külas. Allikas: Facebook

Nad on Su pühamu süüdanud tulega põlema, Su nime eluaseme on nad reostanud maani. (Ps 74:7)

Vaimude ja kõigi lihalike Jumal, kes Sa surma maha tallasid, kuradi võimu hävitasid ning oma maailmale elu kinkisid, lase puhata Ukraina sõja ohvrite hinged valguse, külluse ja kosutuse paigas!

Foto: Gemadi Baranov 2019

Veritsev paast aastal 2022

kõige suuremaid surmapatte. See on võrreldav mürgiga, mis halvab inimese ja mis takistab tal edukalt võidelda kurja ja kõige halva vastu.

Soovin siinkohal hukka mõista Vene sõjaväe jõhker sissetung Ukrainasse ja väljendada kindlameelset vastuseisu kõigele kohutavale, mis selle sõjaga kaasneb. Me seisame kindlalt sõjaohvrite, põgenike, eriti naiste ja laste eest ning kõigi nende eest, kes seal kohapeal peavad vaatama näkku suurtele katsumustele.

Kahtlemata ei ole sõda inimkonna ajaloos mitte midagi uut. Kuid õigeusu kiriku vaatenurgast ei saa sõja jõhkruks ja õudust millegagi õigustada, sest sõda on täiesti vastupidine õiguse, armastuse ja vabaduse põhimõtetele. Sõda on olemuselt täielikus vastuolus õpetusega, mille Kristus ise on meile andnud, mis kuulutab rahu ning inimese püüet ühenduse poole oma jumaliku Loojaga.

Võitlus kurja ja kurjuse vastu siin ilmas on meile, õigeusklikele, pidev väljakutse. Väljakutse, mis paneb meid endale küsimust esitama: kui palju meie usk Kristusesse on tegelikult meie elu mõjutanud. Või võtame omaks üksnes selle, mis meile paremini sobib? Kas me oleme tõelised Jumala lapsed, kes panevad tähele evangeeliumi nõudeid? Me kuulutame kristlastena patu hülgamist, me paastume, käime kirikus, kuid *akēdia* patt on meie eludesse sügavalt ankurdund. See patt on ennast mugavasti meisse sisse seadnud ja me ei soovi seda eitada, vaid vastupidi, püüame seda teistele peale suruda. Lühidalt öeldes, me ei soovi tihti halba eemale tõugata ettekäändel, et meie inimeste seas valitseb teatud „vennalik ühtekuuluvus“, mis paneb meid uskuma, et meie ise ei vastuta, keegi teine sekkub meie asemel ja hakkab tegutsema.

Sõda on paljastanud inimese metsikuse. Isekus näitab meile, milline on

tema võim inimese üle ja millist hävingut on ta suuteline külvama. Vaimselt habras ühiskond ei ole võimeline pakkuma mingitki vastuhakku, olles ise otsekui kibuvitsesse kasvanud ja okkaid täis. Need okkad on meie isekuse ning isiklike huvide rahuldamisihad viljad. Seistes silmitsi hetke tegelikkusega, püüab inimene tulutult enast neist okastest vabastada. Samal ajal on Ukraina sõja kohutav vaatamäng meie jaoks võimalus muuta oma eluviisi. Kui me soovime vaimselt ellu jääda, siis on mõõdapääsmatu, et pöörduksime ära oma *akēdia* surmavast tardumusest. Kristus käsib meil oma ligimesi armastada ning pühakud on meile selles eeskujuks. Ilma meelearandusega ei ole Jumalal kohta meie südames. Võideldagem seetõttu oma enesekeskusega ning asetagem ligimene oma olemise keskmesse.

† Stefanus,
Tallinna ja kogu Eesti metropoliit

Ka sel aastal soovime paastuajal kindlalt end pühast õigeusus ning võidelda kiusatustega. Tõepoolest, hoolimatus ja ükskõiksus (mõlemat tähendust kannab kreeka keelne sõna *akēdia*) on just need kiusatused, mis hävitavad kristlase vaimuliku võitluse, sest nad kannavad endas laiskust ning minnalaskmist seal, kus on nõutav vaimne pingutus. Just seepärast leiavad meie kirikuisad, et *akēdia* on üks

Patriarh

**Bartolomeus,
Jumala armust Konstantinoopoli,
Uue Rooma, peapiiskop ja
oikumeeniline patriarh
kogu kirikurahvale –
armu ja rahu teile meie Päästjalt
Jeesuselt Kristuselt!
Soovime teile õnne ja õnnistust
ning palume teilt andeks.**

Aulised vennad ja armsad lapsed
Issandas!

Me kiidame Jumalat, kes on toonud meid, oma Kogudust, taas püha suure paastu aulisse ja õnnistatud aega, ihuliku ja vaimuliku harjutamise ning vaevanägemise jooksurajale, et me kristusevääriliselt valmistuksime ja tõttaksime alandliku meelega püha ja suure nädala ning Issanda eluandja ülestõusmise poole.

Askees ehk vaimulik vaevanägemine pole, tõsi küll, iseloomulik ainuüksi pühale suurele paastule ega vaid kloostrielanike töö ja kohustus. See pole ka vä-

Õpetuskõne püha suure paastu alguses

lispidiste mõjude tagajärg kristlikule eluviisile, mis oleksid otsekui imbnud meie vagadusel. Vaimulik vaevanägemine kuulub kristliku olemisviisi ja kiriku elu tuuma juurde. See kujutab endast Kristuse kutset usklikele ja tunnistust Tema päästvast kohalolust meie elus. Meie, usklikud, ei pöördu isikusetu ja ligipääsmatu Jumala poole, vaid lihaksaanud Sõna poole, kes on ilmutanud meile Jumal-Isa armastust ja Püha Vaimu osadust, armu ja vabaduse täiust. Selles mõttes on suur paast püha, täis jumalikku õnnistust ja iseäralikke sügavaid kogemusi; ta on kogu kiriku elu rikuse ja tõe elav väljendus ja ilmutus.

Ükski külg uskliku elus pole muust lahus, eesmärk omaette. Elu Kristuses on üks lahutamatu tervik. Meeleparandus, alandlikkus, palve, paast ja heateod – need kõik on üksteisega läbi põimunud ja suunavad usklikku kiriku püha armulaua, jumalariigi lõpuaegse salasuse poole. Vaimulik võitlus on algus, „kitsas värav“, mis juhatab meid kõige pühamasse paika. Pühas pärimuses ei ole „askeesi askeesi pärast“. Askeetlik vaevanägemine on alati teekond, mis leiab oma sihi kirikus, et juhtida meid kõige puhtama salasuse osadusele. Nende kaudu saame osaks kiriku ihust, mis liigub tulevase kuningriigi poole. Tuletagem meelde paastu viiendal pühapäeval austatava vaga Egiptuse Maria näidet, kes

pärast neljakümneaastast ranget askeesi ja lakkamatut palvetamist palus püha Sossimalt, et see tooks talle Kristuse ihu ja verd, ära tundes, et püha armulaud on eluallikas ja surematuse arstirohi. Ka püha ja suur kirikukogu, mis kogunes 2016. aastal Kreetal, kutsus paastu „suureks vaimulikuks vaevanägemiseks“ ja et „tõeline paast mõjutab uskliku kogu elu Kristuses, mida kroonib osavõtt jumalikust liturgiast, eriti püha armulauasalasuse vastuvõtmine“ (Paastumise tähtsusest 1 ja 3).

Õigeusu vaimulik elu pole võimalik ilma osasaamiseta pühast armulauast, mille kaudu meie, usklikud, saame üheks ihuks, isikute osaduseks, elukogukonnaks, Päästja Kristuse toodud kõigi pääste osaliseks, mis on ühine hüve. Nõnda on paast Koguduse seadusele allumine ja sõnakuulmine ja ühine kogemus. Püha suur paast kutsus meid näitama kirikut pühitsuse ja pühaduse koha ja viisina, imelise valgustuse eelmaitsena ja kujutisena, elu täiusena ja lõpuaja rõõmu täitumisena. Kogemuslikult ja teoloogiliselt ei ole meil võimalik mõista püha suure paastu vaimu, kui me ei vaatle seda teekonnana paasa poole. Kogu paastuaeg hoiab alal teatud paasalikku elutunnetust. Süngel asketism on kristliku kogemuse vilets moonutus, tuleva rõõmu ja kuningriigi unustamine, elu nõnda, otsekui Kristus polekski tulnud,

ilma surnute ülestõusmise ja tuleva aja elu ootuseta.

Seda vaimu kehastas ka varase kiriku ettevalmistus pühaks ristimiseks ülestõusmispüha jumalikul liturgial. Ja kui hiljem teises paastuaja usuõpetuslik loomus meelearanduse vaimuks, säilis ja kestis edasi meelearanduse kui teise ristimise kogemuslik põhi, mis juhhib meid ikka uuesti kiriku elu paasalikku ja tänusalaslikku täitumusse, Isa kotta, Püha Vaimu osadusse. Just siin jõuab ristikandmise teekond ülestõusmise sõnulväljendamatus rõõmus lõpule.

Õigeusu õpetuse, vagaduse ja vaimuse päästvat tõde toob esile ka salvi

pühitsemise talitus, mida me Jumala armust toimetame sel aastal suurel nädalal oma pühas kirikukeskuses. See „salvi-tänuosalasuse” õnnistatud ja jumalikustegev õli annab äsjavalgustatud taevakodanikele salvimissalasuses edasi Püha Vaimu mitmekesisid ja rohkeid ande ja armu. Need kinnitavad teda võtma osa kiriklikust elust, alates kõige puhtamast armulauasalasusest, ning andma tunnistust armuandide

jumalikust kohalolust ja maailma lootusest, mis meis on. Püha Vaimu iseloom osaduse väena saab ilmsiks ka püha salvi valmistamises, kui selle sisse keedetakse koostisaineid, mille toovad eri kohalikud kirikud, samuti selle õnnistamise aeg ja koht püha armulauateenistuse ajal, kohe pärast kalliste andide pühitsemist. Samuti saab see ilmsiks püha salvi muus kiriklikus kasutamises, näiteks teiseusuliste ja usust-

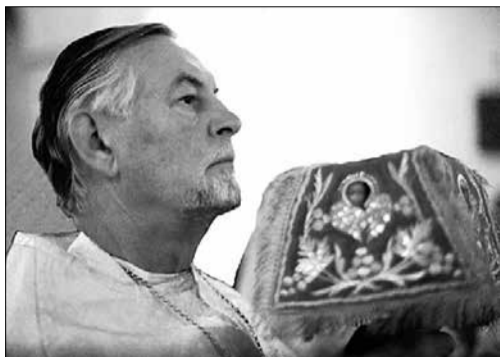
taganenute vastuvõtmisel õigeusu kirikusse, kirikute, altarilaudade ja antimenside pühitsemisel ja mujal.

Nende mõtetega soovime kõigile head Paastuteekonda, sujuvat pikamaajooksu Issanda paasa poole ning kutsume teie kõigi peale, aulised vennad Kristuses ja Konstantinoopoli Emakiriku lapsed kogu maailmas, halastust ja suurt armu

Kristuselt Jumalalt eneselt, kes alati õnnistab oma rahva askeetlikku vaevanägemist.

Püha ja suure paastu alguses 2022. a.

† **Bartolomeus,**
Konstantinoopoli patriarh,
teie tuline eestpaluja Jumala ees

Suur paast – teekond paasa poole

Alexander Schmemmann

Kui inimene end teele asutab, peab ta teadma, kuhu siirdub. See käib ka suure paastu kohta: suur paast on ennekõike vaimulik teekond, mille siht on ülestõusmine, „pühade püha”. See on ettevalmistus paasa tõelisele ilmutusele. Seepärast peame me alustuseks katsuma mõista suure paastu ja paasa omavahelist ühtsust, kuna see avab meile midagi väga olulist ja otsustavat ristiusu ja kristliku elu kohta.

Kas on vaja seletada, et paasa on midagi enam kui tavaline püha, lihtsalt mingi sündmuse iga-aastane tähistamine? Kes tahes, kes on kas või korra saanud osa sellest ööst, mis on päevastki heledam, see, kes on maitsnud seda iseäralist rõõmu, tunneb seda ise. Kust aga tuleb see rõõm? Miks me laulame lihavõttepäevadele: „Nüüd on kõik valgust täis: taevast ja maa ning kõik maa-alused paigad”? Mis mõttes me pühitseme, nagu väidame endid tegevate, „surma ärasurmamist, põrgu tühjaks tegemist; uue ja igavese elu algust”? Kõigile neile küsimustele on vastus: see uus elu, mis ligi kaks tuhat aastat tagasi hauast auhiilguses üles paistis, on antud meile, kõigile, kes usuvad Kristusse. See anti meile meie ristimise päeval, kui püha Pauluse sõnul „Me oleme siis koos temaga maha maetud ristimise kaudu surmasse, et otsekui Kristus on äratatud üles surnuist Isa kirkuse läbi, nõnda võime ka meie käia uues elus” (Rm 6:4). Niisiis pühitseme paasal Kristuse ülestõusmist kui juhtumust, mis sündis ja üha sünnib meie pärast, sest igaüks meist on saanud uue elu anni, võimaluse ta vastu võtta ja temast elada.

See on and, mis muudab radikaalselt meie suhtumist kõigesse siin maailmas, kaasa arvatud surm. Seeläbi on võimalik, et me hüüame rõõmuga: „Surma ei ole enam!” Surm on küll alles, me jõuame talle päev-päevalt lähemale, ning kord tuleb ta ja viib meid ära. Aga meie usk on, et Kristus oma surmaga kaotas surma tõelise olemuse ning muutis ta „siirdumiseks” – „üleminekuks”, „paasaks”¹ – Jumala riiki, ja muutis murede mure lõplikuks võiduks. „Surmaga surma maha tallates” tegi ta meid oma ülestõusmise osaliseks. Seepärast ütleme paasa hommikuteenistuse lõpul: „Kristus on üles tõusnud ja elu valitseb! Kristus on üles tõusnud ja hauas ei ole ühtainustki surnut!” Säärane on koguduse usk, mida on kinnitanud ja tõeks teinud tema lugematud pühakud. Ometi võime pidevalt näha, et meie usk on harva taoline, ja et me pidevalt kaotame ja jätame tähelepanuta selle „uue elu”, mille me kingiks saime, ning et me tegelikult elame, otsekui polekski Kristus surnust üles tõusnud, otsekui poleks sel iseäralikul sündmusel meie jaoks mingit tähendust! Kõike seda põhjustab meie nõrkus ja see, et meil on võimatu elada pidevalt „usust, lootusest ja armastusest” sel tasandil, kuhu Kristus meid tõstis, öeldes: „Otsige esmalt Jumala riiki ja tema õigust” (Mt 6:33). Me unustame tavaliselt selle – küll on meil kiire, küll upume igapäevamuredesse –, ja kuna me unustame, läheb ta meist mööda. Unustamise ja patu tõttu muutub meie elu jälle „vanaks” – see on tühi, süngene ja mõttetu – mõttetu teekond mõttetu lõpu poole. Meil õnnestub ka surm ära unustada ja siis äkki, keset elust rõõmu tundmist, tuleb ta meie juurde: kohutav, vältimatu ja mõistusevastane. Me võime ajuti teatud patte tunnista, ometi mitte pidada oma elu kuuluvaks sellesse uude ellu, mille Kristus ilmutas ja meile andis. Tegelikult elame me nii, nagu poleks Ta kunagi tulnud. See on ainus tõeline patt, pattude patt, meie, nime poolest ristiinimeste, põhjatu viga ja tragöödia.

Kui me tunneksime ja mõistaksime, mis on paasa, ja miks peab tema ees suur paast

¹ Sõna „paasa” tuleneb heebrea keele sõnast *pesah* – „möödamine”. Paasapüha pidas Iisrael Egiptusest väljamineku mälestuseks. Siis surmas Jumal Egiptuse esmasündinud, ent „läks mööda” Iisraeli laste majadest. See ongi üle kantud tähenduses meie minek „uude ellu”.

käima! Nimelt siis saame aru, et kiriku liturgiline pärimus, kõik nädalased ja aastased jumalateenistuste ringid on seatud ennekõike selleks, et aidata meil jälle leida nägemus uuest elust ja maitsta seda elu, mida me nii kergesti kaotame ja reedame; et meelt parandada ja temasse naasta. Kuidas võime armastada ja igatseda kedagi, kellest me midagi ei tea? Kuidas võime oma elus seada üliluslikuks midagi, mida me pole näinud ega tundnud? Ühesõnaga: kuidas võime otsida Jumala riiki, millest meil pole mingit arusaamist? Just kiriku jumalateenistus oli alguses ja on ka nüüd selleks, mis viib meid Jumala riigi uude ellu ja ühendab meid sellega. Liturgilise elu kaudu avab kirik meile midagi niisugust, „mida silm ei ole näinud ega kõrv kuulnud ja mis inimsüdamesse ei ole tõusnud – selle on Jumal valmistanud neile, kes teda armastavad” (1 Kr 2:9). Liturgilise elu keskel on aga paasa: elu tuuma ja haripunktina, päikesena, mille kiired ulatuvad kõikjale. See on uks, mis avaneb iga aasta Kristuse riigi hiilgusse, see on meid ootava igavese rõõmu aimdus, võidu au, mis täidab juba nüüd, ehkki nähtamatult, kogu loodu. „Surma pole enam!” Paasa on kiriku jumalateenistuse kese ja nõnda on liturgiline aasta (s.o aegade ja pühade järjestus) eriline teekond, palverännak lihavõtte kui lõpu poole, mis samas on ka algus – kõige „vana” lõpp –, uue elu algus, pidev kulgemine „siit ilmast” Jumala riiki, mis on juba ilmutatud Kristuses.

Ometi ei saa „vana” – elu patus ja tühjuses – kergesti võita ega muuta. Evangeelium ootab ja nõuab inimeselt pingutust, milleks ta on oma praeguses seisundis tegelikult võimetu. Meilt nõutakse intuitsiooni, eesmärki ja eluviisi, mis käib kõrgelt üle meie võimete! Apostlidki, kuuldes oma Õpetaja juttu, küsisid talt umbusklikult: „Aga kuidas on see võimalik?”. Tõesti pole kerge jätta ideaale, mis seisnevad igapäevamuredes, aineliste hüvede, kindlustunde ja rahulduse otsimises, ja vahetada need elueesmärgi vastu, mis seisneb ei milleski vähemas kui täiuslikkuses: „Olge täiuslikud, nõnda nagu teie taevane Isa on täiuslik!” (Mt 5:48). Terve maailm pasundab kõigist teabekanalitest: „Olge õnnelikud, ärge võtke südamesse, valige lai tee!” Kristus aga ütleb evangeeliumis:

„Valige kitsas tee, võideldge ja kannatage, sest see on tee ainukese tõelise õnne juurde”. Ja kui kirik ei aitaks, kuidas võiksime me teha selle hirmuäratava valiku, kuidas võiksime me kahetseda ja jõuda tagasi selle vaimustava töötuse juurde, mille saame iga aastal paasa ajal? Just siin tuleb appi suur paast. See on abi, mida kirik meile pakub, patukahetsuse kool, mis üksi teeb võimalikuks lihavõtteid vastu võtta, mitte ainult kui luba süüa, juua ja end lõdvaks lasta, vaid tõesti „vana” lõpuna meis ja meie astumisena „uude”. Alkoguduses oli suure paastu põhiliseks otstarbeks valmistada katehumeene ehk usuõppijaid, s.o äsja ristiusku pöördunud ette ristimiseks, mida tollal toimetati paasaliturgia ajal. Ka veel siis, kui kirik enam täiskasvanuid ei ristinud ja usuõppijate seisus kadus, jäi paastu peatahendus samaks. Sest kuigi oleme ristitud, kaotame tihti ristimisel saadud ja taganeme sellest. Nõnda on paasa meie iga-aastane tagasitulek meie oma ristimise, suur paast aga valmistamine selle tagasituleku tarvis, mis on aeglane ja vaevaline ponnistus – et me võiksime lõpuks teostada oma siirdumise, paasa, uude eluse Kristuses. Me peame aru saama, et kui paastuaja jumalateenistus säilitab tänapäevani oma katehheetilise ja ristimisega seotud olemuse, ei ole see mingi „arheoloogiline minevikujäänus”, vaid midagi, mis puutub meisse ja on meile väga oluline. Suures paastus ja paasal leiame ja elustame iga aastal uuesti need sündmused, mis meiega toimuvad meie oma ristimise surmas ja ülestõusmises.

See on teekond, palverännak! Ometi, kui astume esimese sammu sellel „helgel vaevalisel”, näeme oma eesmärki veel kaugel, väga kaugel sinetamas. See on paasarõõm, sisenemine Jumala riigi auhiilgusse. Just see nägemus, see lihavõtte eelaimus, teeb suure paastu murest ja vaevanägemisest helguse ja „vaimuliku kevade”. Öö saab olema pikk ja pime, ent kogu meie teekäimise aja kumab taevarannal salapärane ja kiirgav koit. „Ära võta meilt ära meie lootust, oh Inimesearmastaja!”

Preestrikutsumus on mulle kaasa sündinud

Eluloosutlus metropoliit Stefanusega
Vestelnud Tiina Nütvägi-Hellamaa

4. osa.

Lõuna-Prantsusmaal

Algus Metropoolias 2021, nr 93

1972. aastal algas teie elus uus ajajärk. Palun rääkige sellest lähemalt.

Tõepoolest. 1972. aastal saadeti mind peavikaarina Lõuna-Prantsusmaale, kus elu oli sootuks teistsugune. Skautidega tegelesin muidugi edasi, olin skaudilaagrite juht kuni 1997. aastani. Juba sel ajal, kui ma Pariisis elasin, töötas Nizzas (Nice'is) abipiiskopina piiskop Jeremia. Ta oli seal enne mind, ta on muidugi ka minust vanem. Tema oli siis juba arhimandriit, kui mina alles diakon olin.

Panorthodox, 1968. a

1972. aastal olin ma juba preester, mind pühitseti 1968. aastal. Neil aastatel muutus olukord Lõuna-Prantsusmaal Marseille' koguduses väga keeruliseks. Marseille' koguduses teenis toona üks muidu igati suurepärase preester, kes kahjuks oli pisut mässumeelne, võiks isegi öelda – sotsialist. Tema ümber kogunes seltskond noori ja asi läks käest ära. Metropoliit Meleetil tuli saata sinna abipiiskop, et olukord kontrolli alla saada. Metropoliit seadis ametisse peavikaari, kes suunas nimetatud preestri tööle ühte Marseille'st kaugel asuvasse kogudusse. Peavikaariks oli aga piiskop Jeremia. Aga kuna piiskop Jeremia olukorra kontrollimisega ikkagi toime ei tulnud, otsustas metropoliit saata mind. Olin 1972. aastal just skaudilaagrist tagasi Pariisi jõudnud, kui sain teada, et pean minema Lõuna-Prantsusmaale. Piiskop Jeremia naasis Pariisi ja mina läksin tema asemele.

Pariisis oli meil kaks kirikut ja piiskop Jeremia oli olnud neist ühe – pühade Konstantini ja Helena kiriku – esivaimulik. Kui ta lõunasse saadeti, hakkasin mina tema

asemel sealses koguduses teenima. Olin jõudnud teenida juba 2–3 aastat, kui mind lõunasse saadeti. Enne minekut tehti minust peavikaar.

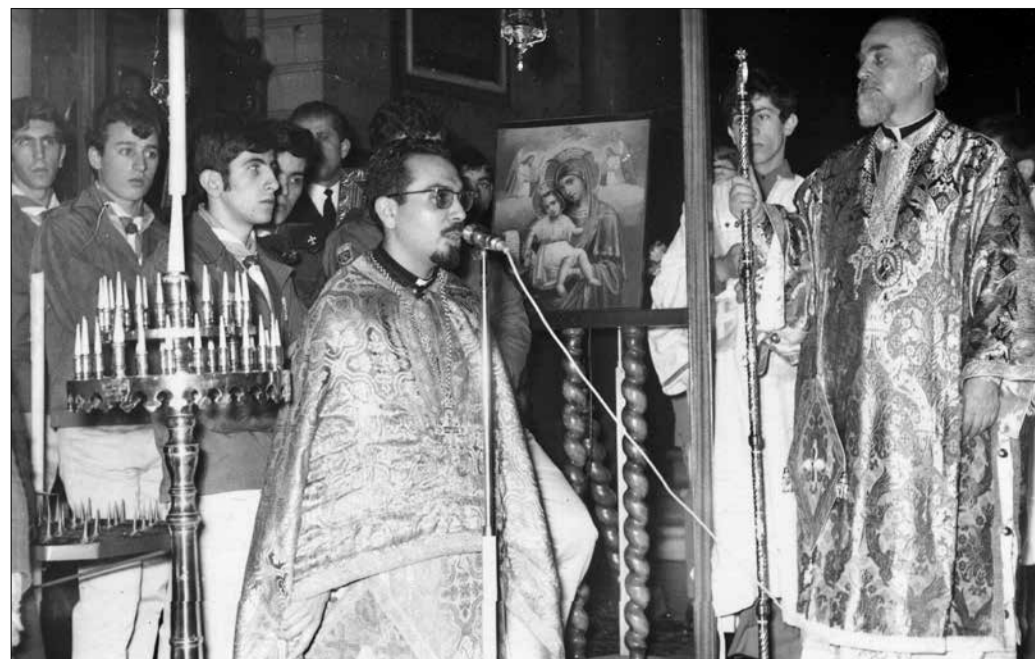
Niisiis jõudsin Marseille'sse ja seis seal oli päris kohutav, sest kohaliku koguduse rahvas oli oma preestrisse väga kiindunud. Piiskop Jeremia oli nendega olnud leebe ja kannatlik, mina oli teisest puust, olin väga aktiivne ja tegus. Piiskop Jeremia lihtsalt pühitses liturgiat, rääkis head juttu, aga mina ei suutnud olukorraga leppida ja peavikaarina liikusin ka palju ringi. Oli kogudusi, kus ei olnud oma preestrit, võtsin nende eest hoolitsemise enda peale ja rajasin ka uusi: näiteks Avignonis, ja La Faur'i kloostris. Seega olin aktiivne ja marseilastele see ei meeldinud, seda enam et ma esindasin Pariisi. Pariis ja Marseille olid konkurendid, kohalike jaoks olin inimene, kes metropoliidi suuniseid ellu viis. See tekitas tugevat vastasseisu.

Marseille' koguduse endine preester teenis sel ajal Port-Saint-Louis-du-Rhône'is, kuhu piiskop Jeremia ta oli saatnud. Mina tõin ta sealt tagasi. Pöördusin metropoliit Meleeti poole ja ütlesin: „Valitseja, niimoodi tegutsedes ei saavuta me midagi”, ning palusin tal kõnealuse preestri Marseille'sse tagasi kutsuda. Samas jäin ka ise Marseille'sse edasi. Too preester ei suutnud minu kohaloluga leppida, pidades Marseille'd oma valduseks. Jäin kannatlikuks vaatamata sellele, et mulle tehti tapmisähvardusi, mu auto lõhuti ära, ühesõnaga käituti üsna vägivaldselt. Noored teisitimõtledjad said kokku kirikus ja lahkudes minu toast möödudes tagusid nad vastu minu ust, vahel isegi kell üks öösel, ja preester, kes samuti kirikumajas elas, lasi sel toimuda. Ta tahis, et ma ära läheksin.

Ühesõnaga olin ma Marseille's mõned aastad, alguses täitsa üksik, aga vähehaaval õnnestus mul hakata piirkonna elu korraldama ja ma sain kergemalt hingata. Mingi aja pärast hakkas meiega liituma üliõpilasi Aix-en-Provence'ist ja Montpellier'ist. Seal oli ju kokku üle 400 üliõpilase ja nendega ei tegelnud keegi. Ma võtsin enda peale üliõpilaskaplanaadi. Käisin iga kahe nädala tagant kord ühes, kord teises linnas. Andsin üliõpilastele prantsuse keele tunde, pidasin jumalateenistusi ning panin aluse tõelisele üliõpilasvõrgustikule. Ja rahvas toetas mind, sest käisin igal pool, kus oli abi vaja.

Kui palju kogudusi teil Lõuna-Prantsusmaal oli?

1972. aastal, kui ma sinna kohale jõudsin, olid meil kogudused Toulonis, Marseille's, Port-Saint-Louis-du-Rhône'is, Port-de-Boucis, Nizzas, Salin-de-Giraud's ja kui ma ära läksin, olid neile lisandunud Aix-en-Provence'i, Montpellier'i, Avignoni ja Nîmes'i kogudu-

Brüssel, 1972. a

sed ning La Faurie' kloostris. Ja veel üks väike kogudus Touloni lähedal, mille nimi mulle hetkel ei meenu. Põhimõtteliselt oli koguduste arv kahekordistunud. Lisaks käisin ma veel Barcelonas. Alguses oli meil vähe preestrid: kaks Marseille's, üks Port-de-Boucis, üks Toulonis ja üks Nizzas. Igal nädalavahetusel teenisin neli liturgiat. Metropoliit andis mulle selleks eriloo: ühe laupäeva hommikul, teise laupäeva õhtul, kolmanda pühapäeva hommikul, neljanda pühapäeva õhtul. Minu nädalane autosõidu kilometraaz oli 600 km. Suurel nädalal käisin kõik kogudused läbi ja pidasin ligi 30 jumalateenistust. Enamikel juhtudel olin ma üksik ning seega pidin ka ise laulma, sest mul ei olnud lauljaid. See oli mu töö. Ma armastasin seda ega nurisenud millegi üle.

Rääkige oma tööst Prantsuse raadios.

Lõuna-Prantsusmaal olles käisin korra kuus Pariisis raadios *France Culture* õigeusuteemalist saadet tegemas. Mõistagi kohtusin neil kordadel alati ka metropoliidiga. Raadiosaateid tegin kokku 22 või 23 aastat ja need olid väga populaarsed. Ma lasin nad kõik helikassettidele salvestada ja need on mul praeguseni alles. Kassette sai toona ka osta. Kui ma saadete tegemise lõpetasin, anti helilindid salvestustega mulle kaasa ja ma viisin need Pariisi katedraali, iseasi, kas need veel alles on. Alguses taheti, et me teeksime telesaateid: mina ja üks inimene Vene kirikust pidime sellega tegelema. Me kirjutasime kahasse. Aga siis otsustati, et peaks tegema saateid ka riigiraadios. Metropoliit Meleeti helistas mulle ja avaldas soovi, et mina hakkaksin neid tegema. Ma ei olnud enne seda teinud ühtegi saadet ei raadios ega teles ja mul polnud aimugi, mida see töö endast kujutab.

Raadiotöö meeldis mulle väga, rohkem kui teletöö. Alustasin raadios täitsa üksinda. Mäletan esimesi saateid, mida ma tegin, see oli tõesti omaette kogemus. Ma ei teadnud sellest tööst midagi. Mul oli as-

sistent, kes tegi helirežissööri tööd. Kõige koomilisem asja juures oli see, et ta oli kommunist ja täielik ateist. Tema nimi oli pr Masan. Alguses, kui ma neid saateid tegema hakkasin, suhtus ta minusse nagu ema. Ta taipas, et ma ei tea asjast midagi, ja ta võttis mu oma tiiva alla, õpetas mulle ametit. See on tõesti eriline, kuidas ta mulle raadiotööd õpetas. Vürtsiks selle kõige juures olid tema veendumused. Siis jõudis tal kätte aeg pensionile minna. Pärast tuli uus assistent, kellega töötasin koos kuni oma lahkumiseni. Temast ja tema abikaasast said tänu nendele raadiosaadetele õigeusklikud. Mul oli kaks pooltunnist raadiosaadet kuus ja nii parkümmend aastat jutti. Saadete ettevalmistamine võttis väga palju aega, kuna suhtusin sellesse suure tõsidusega. Ma tegin saateseriaid ja iga saade oli jagatud nii, et esmalt kümminutiline arutelu, siis vaimulik muusika ja lõpus alati jutlus. Selleks kutsusin stuudiosse kõikvõimalikke kuulsaid õigeusu mõtlejaid, kes meil toona olid. See oli väga huvitav ka mulle endale.

Eriti algusaastatel järgisin üht kindlat reeglit: ütlesin stuudios helitehnikutele, et kui nad meie studiovestlustes millestki aru ei saa, siis vilgutagu punast tuld. Eriti puudutas see muidugi jutlusi. Niisiis tuleb mõni mu endine õppejõud stuudiosse jutlust pidama ja äkki läheb punane tuli põlema. Nemand küsivad: „Mis lahti?”. Mina vastu: „Sellest lausest, mis te äsja ütlesite, ei saada aru. Professor, te peate selle lause ümber sõnastama.” Mõnele see üldse ei meeldinud, nad said alguses päris vihaseks: „Mis mõttes, mina pean ümber sõnastama?” Jäin endale kindlaks: „Peate jah, sest te räägite inimestele, kes enamjaolt ei ole õigeusklikud, kes ei saa sellistest spetsiifilistest sõnadest aru, seega leidke võimalus seletada sama asja ilma, et kasutaksite keerulisi teoloogilisi termineid, millest teised aru ei saa.” Just selles seisnes tehnikute märguande mõte. Nii nad siis alustasid uuesti, leidsid uued sõnad, ja kõik läks väga hästi. Sel kombel õpe-

tasin ma ise oma õpetajatele, kuidas jutlust pidada, kuidas rääkida, ja hiljem said nad juba aru, olid tähelepanelikud ja väga tänulikud, aga stuudios olles hoidsid nad kogu aeg kramplikult pilku punasel tulel: kas läheb põlema või mitte. Kui mainida vaid mõnesid neist, kes mul saates käisid, siis meenub mõistagi Olivier Clément, aga ka isa Aleksi Knjazev, isa Aleksander Schmemmann, isa Johann Meyendorff – kõik õigeusu maailmas tuntud nimed. Igal juhul oli tegemist pika ja põhjaliku tööga, eriti järjesaadete puhul. Näiteks tegin ma ühe saate-seeria abortide kohta ajal, mil Prantsusmaal anti välja aborte lubav seadus. Hiljem tegin veel mitu saadet eutanaasia teemal.

Mis kohustused teil peale kogudustes teenimise ja raadiotöö veel olid?

Lisaks vastutasin hingehoiu- ja noorsootöö eest ning ajasin asju. Samuti kandsin hoolt metropoliidi kirjavahetuse, jutluste ja ettekannete ettevalmistamise eest. Võib öelda, et mu elu oli päris pingeline: magasin väga vähe, unevõlg oli pidev. Samas olin väga tegus. Minu suhkruhaigus avaldus juba 1968. aastal. Ühel hommikul ärkasin üles ja mu keha oli üleni punase lööbega kaetud. Arvasin, et tegemist on mingi haigusega, ma ei öelnud kellelegi midagi, aga läksin analüüsi andma. Palusin teha endale vereanalüüsi. Avastati, et mul on algav diabeet. Meil oli üks väga hea kreeka arst, kes töötas vanadekodus. Rääkis talle oma murest ja ta ütles, et pean hakkama dieeti pidama. Ta koostas mulle erimenüü, mida pidin järgima. Ma võtsin 20 kilo alla – olin selleks ajaks väga palju juurde võtnud – ja mu organism saavutas teatava tasakaalu. Mingit ravi mulle alguses ei määratud, aga kui mind saadeti

Marseille'sse, kus olin pingelises olukorras ihuüksi, lõi suhkruhaigus uuesti välja. Ühel hommikul, kui üritasin üles tõusta, kukkusin kokku. Selle peale pöördusin Marseille's ühe spetsialisti poole. „Ma annan teile glükoositabletid. Iga kord, kui teil hakkab pea ringi käima, võtke üks tablett.” Pidasin ta juhtnööridest kinni, aga sellise „raviga” mu diabeet aina süvenes ja ühel õhtul, kui olin käinud Montpellier'is üliõpilastele loengut pidamas, tabas mind tagasiteel Marseille'sse autoroolis halvatus, ma ei suutnud midagi teha ja sõitsin teelt välja põllule. Õnneks midagi ei juhtunud, auto käis üle katuse ja mina lõpetasin Montpellier'i haiglas. Mind jäeti sinna terveks kuuks. Avastati, et mul on suhkruhaigus ja ma sain esimest korda tõsist ravi. Ja sellest oli tõesti kasu. Sestsaadik olen käinudki diabeeti ravimas just Montpellier'i haiglas. Tol ajal töötas seal internina dr Monier, hiljem sai temast professor, ja kui mind haiglast välja kirjutati, ütles ta mulle, et vajan kindlasti arsti, kes regulaarselt mu tervist jälgiks. Küsisin, kas võin sel juhul jääda käima tema juurde, kuna mul on Montpellier'i tihti asja. Ta oli nõus ja nii sai minust tema patsient. Ta on suurepärase inimene, kes mind raskest olukorrast välja aitas. Tänu temale olen siiani vastu pidanud. Nüüd on ta ise juba pensionil, kuid on ette valmistanud palju noori arste; seega on Montpellier'i haiglas hea meeskond. Mind tuntakse seal hästi, minu haiguslugu on nende käes, sellepärast käingi siiani seal ravil.

Montpellier on väga mõnus väike linn, aga eelkõige on see ülikoolilinn. Tegelesite ju palju ka üliõpilastega.

Kui rääkida minu tööst üliõpilastega, siis lisaks muule korraldasin neile hulgaliselt

ekskursioone: käisime Barcelonas, Madridis, Roomas, Firenzes, Brügges... Igal aastal tegime ühe reisi. Need olid tõelised kultuureisid, alati külastasime ka kirikuid ja meie seltskonnas oli üliõpilasi, kes esimest korda sattusid näiteks flaamikeelsele liturgiale. Neile polnud kunagi pähe tulnud, et liturgiat võiks pidada mõnes muus keeles kui kreeka keel. Nende jaoks oli see suur avastus. Lisaks olid meie reisiid väga hästi ette valmistatud. Enne teele asumist kogusin üliõpilased kokku, valmistasime kõik materjalid ette, olid isegi diapositiivid, ja nendel üliõpilastel, kes õppisid kunsti või arhitektuuri, oli nüüd võimalus kõike oma silmaga näha. Ise poleks nad saanud seda endale lubada, aga koos minuga reisisid ei läinud see neile peaaegu midagi maksma. Reisisime alati bussiga, mis oli alati täis. Ma suutsin igal pool välja kaubelda soodushinnad. Suhtlesin kohalike preestritega, nendes piirkondades oli tihti tegemist katoliku asutustega, kes pakkusid majutust väga-väga soodsate hindadega.

Niisugune oli minu elu Marseille's. Mingi aja pärast jäi Nizza kogudus ilma preestrita. Kohalik preester lahkus, tal oli seal mingi probleem, olukord Marseille's oli samuti rahunenud, ja metropoliit Meleeti palus mul ennast sisse seada Nizzas. Nii ma siis kolisingi Nizzas. Olin ikka edasi peavikaar. Ka Nizzas elades jäid mu magamistuba ja kabinet Marseilles's minu käsutusse. Kõige kaugem punkt, kus ma teenimas käisin, oli Valencia.

Mis asjaoludel teid piiskopiks pühitseti?

Mis puudutab minu piiskopiks pühitsemist 1986. aastal, siis põhjuseks oli see, et Prantsusmaa oli ühe piiskopi jaoks lii-

Piiskopiks pühitsemine 1982. a

ga suur. Vajati kedagi, kes oleks lõunas, ja metropoliit Meleeti mõtles ka tuleviku peale: tal oli vaja hakata ette valmistama oma võimalikku järeltulijat. Kõige paremad võimalused olid muidugi piiskop Jeremial, sest ta oli õppinud Halkis. Minul polnud sellist võimalust olnud. Kuna Prantsusmaa oli üks piiskopkond, siis oli seal üks piiskop – metropoliit Meleeti –, kellel oli kaks abipiiskoppi, üks Pariisis ja teine Marseille's. Abipiiskopina mul iseisvat otsustusõigust ei olnud, iga otsuse puhul pidin enne metropoliidiga nõu pidama. Minu ülesanne oli tegeleda kohalike asjadega, erilisi probleeme mul polnud. Kirjutasin regulaarselt aruandeid, käisin kord kuus Pariisis ja olin metropoliidiga pidevalt ühenduses. Üldiselt olin oma eluga Nizzas väga rahul. Tegin kõvasti tööd, mul oli tihe päevakava, palju tegemist ja tegelikult ma ei mõelnudki millelegi muule.

Kirikupeade meenutamisest liturgial. Ukrainlaste abistamisest

Jumalikul liturgial, pärast leiva ja veini pühitsemist Kristuse ihuks ja vereks, meenutab teeniv vaimulik vanemat vaimulikku, kellega ta on osaduses (preester piiskoppi, piiskop oma esikarjast). Selleks palveks on „Esiteks mõtle, Issand,...” Kirikupea aga meenutab teisi maailma kirikupäid, kinnitades sellega õigeusu kiriku ühtsust ja terviklikkust. Meenutatavate nimekirja kutsutakse diptühiks. See, et kedagi meenutatakse, ei ole hinnang tema tegudele, iseloomule jne. Diptühhi lugemine väljendab kogu kiriku osadust, mis toimub mitte ainult kiriku kui asutuse, vaid just elava isiku, esikarjase kaudu.

Praegustel rasketel aegadel, mil möllab Venemaa provotseerimata vallutussõda

Ukraina vastu ja ilmsiks tulevad võikad sõjaroimad, on mõistetav, et esitatakse küsimusi Vene kirikupea mainimise kohta metropoliidi teenitaval piiskoplikul jumalateenistusel. Paljusid on jahmatanud seda sõda heaks kiitnud patriarh Kirilli nime meenutamine teiste hulgas. Et aga tema nime meenutamisest loobuda, peaks toimuma üldõigeusu kirikukohus, mis ta osadusest välja arvaks. Seda pole aga toimunud ja pole ainult meie otsustada, keda me meenutame või mitte.

Meie kiriku seisukoht on selge, oleme selle sõja ühemõtteliselt hukka mõistnud. Lisagem veel pühima patriarhi Bartolomeuse hiljutine ütlus: „See pole „püha“ ega „õnnistatud“ sõda, nagu mõned kinnitavad. See on saatanlik sõda.”

Olen aga praegust olukorda arvestades andnud lauljatele juhise laulda patriarh Kirilli nime järel mitte „palju aastaid”, vaid

kolm korda „Issand, heida armu”. See on palve iga patuse ja eksinu eest. Palume Jumalalt, et Ta valgustaks nimetatud kirikupea suhtumist, mis on pahanduseks kogu õigeusu ja laiemalt kristlikus maailmas.

Kõige selle juures palun südamest, et keegi ei väljendaks kirikus häälekalt oma suhtumist. Pärast pühade andide muutumist, Jeesuse Kristuse erilise kohalolu hetkel, ei sobi mingisugune lärm ega segamine. Võib olla eri meelt, aga jumalateenistus pole sobiv koht selle teatavaks tegemiseks. Samuti peaksime nüüdsel keerulisel ajal oma väikeses kirikus kokku hoidma ja mitte laskma end hingevaenlasel mõtlematutele tegudele ja sõnadele kihutada.

*

Mõni sõna ka meie kiriku tegemistest, mis on seoses Ukrainast saabunud põgenikega päevakorrale tõusnud.

Eesti Apostlik-Õigeusu Kirikus tegutseb

ukrainakeelne Tallinna Püha Georgi Kogudus. Esipreester Joann Khristenko (ivan.khristenko@gmail.com, telefon 56564743) organiseerib abi kaasmaalastest põgenikele, külastab suuremaid keskusi, kuhu põgenikud on paigutatud ja kui on soovi abistada põgenikke, siis võib temaga võtta ühendust.

Kirik, kogudus ja Tallinna linn on sõlminud lepingu Tallinna kesklinnas asuvate ruumide osas, kus on plaanis esialgu käima lükata pühapäevakool, edaspidi aga Eesti ühiskonda integreeruda aitavad programmid. Kaugematest eesmärkidest teavitame lehelugejaid siis, kui ettevõtmiste piirjooned on selgemaks muutumas.

Meie kiriku vaimulikega on võtnud ühendust Eesti eri piirkondadesse paigutatud õigeusklikest põgenikud ja nad on venna-likult osadusse vastu võetud.

Jah-sõna Jumalale

Jutlus Jumalasünnitaja
rõõmukuulutamispuhal

Philip LeMasters

Rõõmukuulutamispuha osutab heale eeskujule, kuidas inimene võib elada usus Jumalasse. Kui peaingel Kaabriel kuulutas Neitsi Maarjale, et temast saab Jumalasünnitaja, siis Maarja võttis seda erilist kutset kuulda, öeldes: „Vaata, siin on Issanda teenija, sündigu mulle sinu sõna järgi!” (Lk 1:38). Ta oli nõus saama Jumala elavaks templiks, et Õnnistegija võiks „vabastada need, kes surma kartes olid kogu eluaja orjapõlves” (Hb 2:15). Ta andis oma elu üleni Kristuse hoolde, et Ta saaks meie liha ja vere osaliseks ning oleks osaline meie inimloomuses, „et Ta surma kaudu kõrvaldaks selle, kellel on võimur surma üle – see tähendab kuradi” (Hb 2:14).

Tava-arusaama järgi polnud sel noorel tütarlapsel mingit võimu ega tähtsust. Esimese sajandi Palestiinas ei tulnud keegi selle peale, et tal võiks olla mingi osa inimese lunastuses. Kuid tal oli julgust järgida kutset, mis muutis täielikult tema elu ja seda ettearvamatu moel, Jumalaema sai vägevaks võitlejaks kurja vastu. Ta murdis sõnakuulmatuse nõiaringi, mis ulatus meie muistsete esivanemate vastuhakuni Jumalale. Need valisid ju omal ajal oma iseka tahte täitmise Issandale kuuletumise ja Tema sarnasuse poole pürgimise asemel pühaduses. Maarja aga valis seevastu jäägitu jah-sõna ütlemise selleni välja, et oli nõus jagama oma liha ja verd Jumala Pojaga, ning teenima Teda kogu Tema maise elu vältel, seda isegi siis, kui Ta ristil rippus. Maarja on uus Eeva, kelle kaudu meile tuli uus Adam meid päästma.

Et Päästja oleks täielikult nii Jumal kui ka inimene, pidi Ta naisest sündima. Et olla ülempreester, kes ohverdab end ristil võitmaks surma võimu, pidi Messias „kõiges saama vendade sarnaseks” (Hb 2:17). See sai võimalikuks Jumalasünnitaja vaba sõnakuulelikkuse kaudu. Siin näeme Jumala ja inimese koostöö, ühistoimimise suurt saalasaaja, sest Jumal austab alati meie isiklikku vabadust. Jumal ei valinud Neitsi Maarjat juhuslikult, vaid valmistas teda ette heebrea sugupõlvest sugupõlve kuni vanaldase ja viljatu abielupaari Joakimi ja Annani välja. Nagu Aabraham ja Saara enne neid, ei saanud nad last lihtsalt tänu oma võimetele, vaid läbi Issanda imelise õnnistuse pärast valusaid lastetuse-aastaid. Samal moel sündis Sakariale ja Eliisabetile Ristija Johannes.

Need vastsündinud laste vanaldased vanemad annavad tunnistust sünnist, mis vägagi erinev sündimisest surmakartuse valitsetud maailma. Käte on jõudnud Jumala töötuste täitumise aeg. See on saabunud tänu ühe noore tütarlapse imelisele kuulekusele, kui tema ihus sigib Õnnistegija. Ta jäi lapseootele ja sünnitas ilma kire ja valuta, ilma meheta, viisil, mis hoidis alal tema neitsilikkuse. Kui Jumalasünnitaja andis enese Issanda käsutusse, võideti meie inimese kaduvus ja rikutus. Uus Eeva ei vali oma tahtmise täitmist kuulekuse asemel Jumalale, vaid avab kogu oma elu osaduseks Temaga. Maarjast sünnib uus Adam, kes parandab kogu esimese Aadama rikutuse.

Rõõmukuulutuspüha tähistame enamasti ikka paastuajal, mis eelneb Issanda kannatuste mälestamisele. Jumalaema ja Issanda eneseohverdamine on omavahel seotud. Kuid pidagem meeles, et ei Õnnistegija ega Jumalasünnitaja ole n-ö tavalised kangela-

sed. Selle asemel et purustada oma vaenlased jõhkra jõuga, alandus meie Issand risti, surma, mahamatmise ja surmavalda minemiseni, et vabastada meid surmahirmu orjusest ja viia meid igavese elu rõõmu. Ta ei pane kannatama teisi, vaid võtab teiste pärast kannatused enda peale. Jumalaema oli noor neitsi, vallaline ja ühiskonnale mitte kuigi oluline. Tema abieluväline lapseootus oli pahandus ja kindlasti mitte sobilik. Ja hiljem nägi ta, kuidas tema Poeg ja Jumal mõisteti hukka kui jumalateotaja ja mässaja ning risti löödi. Maarja puhtus ja õnnistus olid maailma silme eest varjul; seda nägid vaid need, kel oli silmi näha tema Pojas Päästjat – seda mitte hoolimata Tema ristisurmast, vaid just sellepärast.

Kogu paastu- ja kannatusaeg on täis vaimulikku võitlemist, mille abil võime olla omal moel pisut Jumalasünnitaja sarnased täielikus kuulekuses ja Issanda vastuvõtmises. Peaingel tegi Maarjale teatavaks selle, milleks ta on kutsutud ja Maarja ütles sellele „jah”. Tema kaudu ühendas Jumala Poeg end inimesega. Meie oleme kutsutud saama tema sarnaseks nõnda, et kuulame Jumala kutset ja vastame sellele, otsides isiklikku osadust temaga.

Kui me usume selle püha rõõmusõnumit, ei tohi me sulgeda ainustki osa oma elust osaduse eest Kristusega pühaduses. Nagu Tema sai jumalinimeseks, nii oleme meiegi kutsutud järgima Jumalasünnitaja eeskujuga ja võtma Teda vastu moel, mis muudab kogu meie elu tunnistuseks Tema päästest. See on muidugi midagi väga kõrget ja võib tunduda kättesaamatuna. Kuidas on see üldse võimalik meiesuguste, nõrkade ja patuste inimeste puhul, keda isekad himud juhivad?

Eks näita paastuaegki meile, kui raske on avaneda Kristusele palves, paastumises, helduses, andestuses ja meeleparanduses? Me võtame neid asju ette nii viletsalt ja nõrgalt ning saame pahatihti vaid teadlikumaks oma nõrkuses, leidmata rahu, õndsust ja rõõmu. Kui asi tõsiselt ette võtta, avab paastuaeg meil pisut silmi meie hinge tõelise olukorra suhtes, ja kui oleme ausad, siis seal on palju sellist, mida me näha ei tahaks. See kõlab küll halva uudisena, kuid just seda on meil vaja. Sest kui me tahame kasvada isiklikus osaduses Issandaga, peame saama üle oma kõrkidest pettekujutelmadest, mis lämmatavad sõnumi, mida me kuulma peaksime. Kui me õpiksime ütleva: „Vaata, siin on Issanda teenija, sündigu mulle Sinu sõna järgi!”, peame tegema seda sellistena, nagu me tegelikult oleme. Kui me üritame olla osaduses Jumalaga mingi ettekujutatud pühaduse või vagadusega, teeme oma hinge enam kahju kui kasu. Me võime ennast petta, aga Jumalat ei peta me kunagi.

Tänu Jumalaema vastusele peaingli sõnadele, sai Päästja üheks meist, ühendades oma isikus jumaliku ja inimliku. Oma armuga kutsub Ta meid kõiki ja laseb meil leida tervist oma hingele, jagades oma õndsat elu. Paastuteekonna edenedes võime saada Temalt vaimujõudu juurde, kasvades samal ajal ainulaadseteks isikuteks, kelleks Ta meid lõi oma kuju ja sarnasuse järgi. Olgu Jumalaema meie kangelaseks sel teel, meie heaks eeskujuks selles, mis juhtub, kui alandlik ja kuulekas inimene ütleb Jumalale kogu südamest „jah”. Pole muud teed olla rohkem tema sarnane, kui avada end üha enam võidule surmakartuse üle, mille tema Poeg risti ja ülestõusmisega saavutas.

Mõtteid tunnetusest

Õnnis Diadohh

1. Vennad, iga vaimulikku vaatlust juhtigu usk, lootus ja armastus, aga ennekõike armastus. Kui usk ja lootus õpetavad põlgama nähtavaid hüvesid, siis armastus laseb hingel osa saada Jumala eneseomadustest ja otsima vaimuliku tunnetuse abil Nähtamatut.

2. Vaid Jumal on loomult hea. Ka inimene saab heaks, kui ta tõelise Hea abil peab hoolt oma eluviisi eest. Siis ta muutub selliseks, milline ta [langenud olekus] pole, kui hing hüvest hoolides on Jumalas niivõrd, kuivõrd hinge toimejõud seda soovib. Sest öeldud on: „Olge head ja armulised, nagu teie Isa taevas on armuline” (Lk 6:36).

3. Loomuses kurja ei ole ega ole keegi loomult kuri, sest Jumal pole midagi kurja loonud. Ent kui keegi oma südames himustades

annab kuju sellele, mida tõeliselt pole, siis saab kuri olevaks sellisena, nagu tahtja soovib. Seepärast tuleb alati püüda pidada meele Jumalat ja kurjad harjumused jätta. On ju hea loomult tugevam kui kuri harjumus, sest hea on olemas, kurja aga pole olemas muidu kui siis, kui kurja tehakse.

4. Meie, inimesed, oleme kõik loodud Jumala kuju järgi, kuid Tema sarnased on vaid need, kes suure armastuse pärast on oma vabaduse Jumalale allutanud. Kui me siis pole enam iseene päralt (1Kr 6:19), siis oleme selle sarnased, kes on meid oma armastuses enesega lepitanud. Seda ei saavuta keegi, kes ei veena oma hinge pörkuma eemale selle elu tühisest hiilgusest.

5. Vaba tahe on mõistusliku hinge omadus, mis liigub, kuhu soovib. Kallutagem see siis valmisolekusse tegema vaid head, nii et head mõeldes kaotame mälestusegi kurjast.

6. Tõelise tunnetuse valgus on see, et suu-

dame eksimatult eristada head kurjast. Siis viib õiguse tee meele Õigusepäikese poole, Tema piiritu valguse tundmisesse, nii et see hakkab üha julgemalt armastust otsima. Seepärast peame vihata raevuga päästma õiguse nende käest, kes julgevad seda teotada. Ei too ju vagaduse ind võitu mitte viha, vaid manitsuse abil.

7. Vaga vestlus toidab vaimulikku tunnetust, sest see tuleb armastuse jõu abil Jumalast. Nõnda püsib meel vaevata jumalikes mõtisklustes. Ei pea ta siis kannatama nigela tunnetuse pärast, mis toob kaasa muretsemist, sest ta avardub neis vaatlustes niivõrd, kuivõrd armastuse vägi lubab. Hea on alati enne rääkimist oodata valgustust „usus, mis on tegev armastuse kaudu” (Gl 5:6), sest pole midagi haledamat kui mõistus, mis targutab jumalikest asjadest ilma Jumalas püsimata.

10. Kui hing hakkab raevukalt kirgedele vastu, siis tea, et käes on aeg olla vait – see on võitluse tund. Kui me siis aga märka-

me, et möll hinges on raugenud kas palve või heategude abil, liikugu ta armastusega jumalikest asjadest kõnelema, kõites aga alandlikkusega meele tiivad. Sest kui inimene end ülemäära tühiseks peab, ei või ta kõnelda Jumala suuruselt.

14. Kes oma südames tuntavalt Jumalat armastab, seda tunneb ka Jumal. Sest sedavõrd kui ta hinge tundmisega Jumala armastust vastu võtab, saab ta ka Jumala armastuse osaliseks. Nõnda jääb ta palavas armastuses sellisesse tunnetuse valgusse, et tunneb seda isegi oma luukontidega. Ta ei tea enam midagi iseendast, vaid Jumala armastus on ta üleni uueks teinud. Ta on siin elus ega ole ka, ta on selles ihus, aga on ka sellest väljas, sest armastusest kisub ta hing alati Jumala poole. Tema südant põletab kustumatu armastuse tuli, see igatsus kisub teda Jumala ligi, nii et armastusest Jumala vastu jätab ta korraga maha enesearmastuse. „Sest kui me oleme olnud arust ära, siis on see Jumalale, kui oleme selge aruga, siis teile” (2Kr 5:13).

15. Kui keegi on hakanud tundma rohket armastust Jumala vastu, siis hakkab ta tundma oma vaimus ka armastust ligimese vastu. See ongi armastus, millest kõik Kiri räägib; aga pinnapealne lihalik armastus haihtub kergesti vähimalgi põhjusel, sest selles puudub vaimulik tunnetus. Kui nüüd Jumala väel toimiv hing pahandabki millegi üle, ei katke aga selle armastuseside. Jumala armastuse palavusest süütab ta end taas headusele ja pürib jälle ruttu rõõmuga ligimest armastama, isegi kui see on teda rängalt solvanud või kahjustanud. Sest Jumala magususes hajub üleni riiu kibedus.

16. Keegi, kes pole esiti kogu südamest

Jumalat kartnud, ei või Teda ka südames tuntavalt armastada, sest vaid läbi kartuse puhastatud ja pehmendatud hing võib jõuda tegeva armastuseni. Keegi ei jõua aga sellisesse jumalakartusse, kui ta meel pole kõigepealt vabanenud kõigist maistest muredest. Siis valdab teda jumalakartus ja puhastab teda tuntavalt kõigest maisest jämedusest, et juhtida ta üleni armastama Jumala headust. Nõnda on siis kartus koos mõõduka armastusega nende osa, kes veel puhastuvad. Kuid täieline armastus, milles ei ole kartust, kuulub juba puhastunutele, sest „täiuslik armastus ajab kartuse välja” (1Jh 4:18). Kumbki aga on vaid õigete osa, kes Püha Vaimu väel heategusid teevad. Sest pü-

hakirigi ütleb: „Kartke Issandat, teie Tema pühad” (Ps 34:10), teisel aga: „Armastage Issandat, kõik Tema vagad” (Ps 31:24), et me hästi mõistaksime, et puhastuvate õigete osa on kartus koos nii-öelda mõõduka armastusega, kuid puhastunute osa on täiuslik armastus. Neis pole enam mingit kartuse kübetki, vaid nad põlevad alati armastusest ja nende hing on Püha Vaimu väel Jumala ligi, nagu öeldud: „Mu hing hoiab Sinu poole, Su parem käsi toetab mind” (Ps 63:9).

21. Kes armastab Jumalat, see usub tõeliselt ja teeb ka vagalt usu tegusid. Sel aga, kes ainult usub ega armasta, pole ka mitte usku ennast, mida ta arvab endal olevat. Tema usk

on kergrlane, see ei toimi armastuse auhiilguse kaalukuses. See-eest „usk, mis on tegev armastuse kaudu”, on voorustest suurim.

23. Keegi ei või tõeliselt armastada ega uskuda, kui ta ei mõista hukka omaenese patte. Kui aga südametunnistuse noomitused meid rahutuks teevad, ei või ka meel enam tunda teispoolest hüvede lõhna, vaid kahtlused hakkavad seda lõhestama. Ta igatseb tagasi endist usukogemust armastuses, aga eelnimetatud südametunnistuse piinade pärast ei suudeta seda enam oma südames tunda. Kuid kui me oma hinge veel tulisema hoolega puhastame, võime saada endisest rikkamategi jumalike kogemuste osaliseks.

Usk keset sõdivat maailma

Ülempreester Mattias Palli

Kohutav katsumus on tabanud meile vahemaa ja paljus muuski mõttes lähedast Ukrainat. Ei tea ennustada, milline on olukord lehe ilmumise ajaks – ehk on isegi rahu või väljavaateid rahuks. Igal juhul on need sündmused mitmeski mõttes muutnud kogu meie maailma.

See sõda oma jõhkruks on silmiavav ja mõtlemapanev mitte üksnes poliitilises ja ühiskondlikus, vaid ka vaimulikus ja kiriklikus mõttes. Alustas ju seda ülekohtust kallaletungi Venemaa, mis viimasel ajal on lasknud end üha enam paista õigeusu tsivilisatsiooni kandja ja kehastajana. „Vene maailma” idee, millest on omajagu kirjutatud, ja laiem vastuseis „mandunud läänele” on sõja juhtideedeks. Nagu enamasti ikka, pole raske nähe sellise suitsukatte taha. Et õigeusu-slaavi asja edendada, on rünnatud teist õigeusu enamusega idaslaavi rahvast ja hävitatud tuhandete ja tuhandete Jumala kuju järgi loodud inimeste elusid, purustatud kodusid, haiglaid, koolimaju ja kirikuid. „Õigeusu vendade” vastu sõditi muuseas juba ka Transnistrias, Gruusias ja 2014. aastal sõjas, mil hõivati Krimm ning osa Donetskist. Rööbiti riigiga on ka Venemaa kirik pidanud juba mõnd aega oma võitlust, rünnates oikumeenilist patriarhaati, tekitades segadust õigeusu maailmas ja tungides teiste, eriti Aleksandria patriarhaadi aladele.

Pole just keeruline mõista, et taolised sõjalised või ka teistlaadi rünnakud pole mitte usu ja vagaduse levitamise abinõud, vaid kõige tavalisemad inimliku võimuiha, saamahimu ja allutamispüüde väljendused poliitikas, mida kahjuks looritatakse mingi vaimuliku kattega. Praegune olukord aitab ehk kogu õigeusu maailmal paremini mõista, et sõda ja vägivald ei ole need viisid, kuidas Jumala riiki maa peal edendada. Paraku on kiriku ajaloos selliseid kahemõttelisi – või isegi ühemõttelisi – kalduvusi olnud ennegi. Mõned on jätnud koguni jälje meie kirikulauludesse, pühakulugudesse ja mõtteviisi laiema. Muidugi, peab arvestama ajaloolisi olusid ja

arusaamu, muuseas seda, et Bütsants oli pikade aastasadade jooksul vaenulike rahvaste piiramisrõngas, ning ka üldisemalt maailma, milles puudusid tänapäeva rahvusvahelised tülide lahendamise võimalused. Kuid ikkagi ei saa mingit sõjakust usulise tsivilisatsiooni hoidmise nimel pidada kokkusbivaks püha Pärimuse põhituumaga. Teine asi on oma kodumaa kaitsmine kallaletungijate vastu, mida näiteks praegu ukrainlased väga vahvalt teevad. Kaitseõda, oma elu jätmist sõprade eest, pole Kogodus kunagi tauninud.

Paraku on ka mõni kirikumees avaldanud varjamatut toetust agressiivsele sõjale, isegi kui seda on pisut tembitud juttudega rahu soovitatavusest. Appi võetakse peale eelnimetatute ka muud argumendid: võitlus käib näiva vabaduse, maist õnne taotleva ja liigtarbiva maailmaga. Ja selle maailma vägevate jaoks olla proovikiviks nimelt geiparaadid – just nende eest olla vaja Donbassi ja Venemaa kaitsta. Siin tuleb küll tõdeda koos Edward Gibboniga, et türannia kasutab ära inimese loomulikkude jälestust pahede vastu. Toetada ülekohtuse ja väljakuulutamata sõja alustamist, linnade pommitamist ja muid hirmutegusid selliste väidetele on koletuslikum kui lihtne pugemine võimulolijate ees, mis nii mõndki vaimulikkude on sõda ja ebaõiglust takka kiitma õhutanud. Kõige hirmutavam on poliitilise maailma must-valgeks jagamine, vallutussõja ohvrite kuradi käsilasteks maalimine ja moraali kaitsmise sidumine ustavusega hirmuvalitsejale. See võimaldab muuseas mujal maailmas kristliku kõlbluse eestvõitlejate tembeldamist praeguse Venemaa käsilasteks ja poolehoidjateks – ning paraku leidub nende seas ka selliseid.

Igatihele, kes natuke asjast aru saab, on selge, et ukrainlased muidugi ei sõdi nimetatud paraadide või millegi taolise eest. Võideldakse ikka „vanaaegsete” väärtuste eest, nagu isamaa, oma rahvas, vabadus osa võtta oma riigi valitsemisest, tunnustada oma usku (või olla mitteusklik) jne. Muidugi pole need viimased veel vabadus kõrgemas mõttes, vabadus patust ja selle maailma kaduvusest, mis teostuvad pigem elu vaimulikus mõõt-

mes. Jah, ühiskondlik vabadus võib hõlmata ka nimetatud paraade, kui neid loetakse ühiskonnas vastuvõetavaks, ja palju muud, mis ei pruugi kõigile meeldida, ent on seadusega lubatud. Aga see hõlmab ka luba olla kriitiline nende või muude nähtuste suhtes. Kui keelata, maha suruda või halvustada neid, kelle arvamus näiteks „samasooliste abielude”, soomuutmise või inimelu alguse kohta ei meeldi, siis pole me sugugi nii kaugel neist, kes oma sõnul moraali kaitseks pomme heidavad. Vastupidi, tegu oleks lihtsalt vastasmärgilise putinismiga. Õnneks pole me küll hoopiski nii kaugele jõudnud, ehkki hoiatavaid märke õhus on.

Sõda Ukrainas on ehmatavalt silmiavav ka teises, üldisemas mõttes. Me teame, et me ei ela ohutus maailmas, kus turvatunne, jõukus ja vabadus kogu aeg kasvavad. Me oleme tegelikult kõik need 30 aastat elanud teadmise, et koledused võivad jälle korduda. Ent praegu tunneme seda lähedamalt ja teravamalt. Me teame ka, mis mujal maailmas toimub, meie sõdurid on käinud ohtlikel välismissioonidel, seal surma või haavata saanud. Me oleme näinud pagulasi Lähis-Idast ja mujalt. Me tunneme muret kliima soojenemise ja üldse looduskeskkonna pärast, oleme paar aastat elanud koroonataudi tingimustes. Nüüd aga on palju vahetum ja jõhkram kriis jõudnud meile ehmatavalt ligidale. Teadmine, et 21. sajandil võib siinsamas, meie naabruses, toimuda halastamatu ja küüniline kallaletung teisele riigile, on siiski midagi uut. Kusjuures pole välistatud sõja laienemine ka meile ja isegi üleilmse tuumasõja puhkemine – ehkki oht nendeks pole kuigi suur, on see ikkagi võimalik.

Me ei tea tulevikku. Aga teame, et Piiblis on juttu maailmalõpust, viimsetest aegadest. Millal need kätte jõuavad, on meie eest varjatud, kuigi paljud on Kristuse ilmselge keelu vastaselt seda ennustada püüdnud. Prohvetite, evangeeliumide ja Ilmutusraamatu nende kohtade tõlgendamine ei ole kerge ja näib, et need sündmused ei rullu lahti tingimata kindlas inimhoidusele arusaadavas järjekorras. Kuid ühes on Pühakiri ja Päri-

mus üksmeelel: sellele maailmale tuleb kunagi lõpp. Mitte ainult inimese eluiga, vaid ka selle maailma aeg on piiratud, kunagi tuleb ots ja kohtumõistmine. Ka seniks pole kuski mingeid tagatise mõne riigi, rahva või tsivilisatsiooni igavese püsimise kohta, olgu selleks Rooma, Venemaa, Eesti või vaba läänemaailm. Kõik siin ilmas on kaduv, aga me ootame „uusi taevaid ja uut maad, kus elab õigus” (2Pt 3:13). Me lootus on selle kuningriigi peale, mis on seespidi meis ja meie seas (vrd Lk 17:21), mis pole see maailm, kuid ometi teostub keset seda maailma.

Ärevad ja kurjad ajad on kõige selle meelde-tuletuseks. Samas ei tohiks nad olla masenduse ja hirmu, jõuetuse ega ka ekstaatilise maailmapõlgamise ajendiks. Kes on Kristuse omad, on kutsutud elama selles maailmas Tema õpetuse järgi ja Temale lootes ega pea põlgama loodud ilma, vaid püüdes pääseda sellel lebast kaduvuse, surma ja patu võrgust. See pole kerge ega teostu siinpoolest täielikult, kuid Jumala abiga võime teha algust, me võime meeleananduse, palve, paastu ja heategudega pürgida ülestõusmise tege-likkusse. Ja kui meil jääb ka palju poolikuks, siis me teame, et Tema ise tuleb meile appi, et Tema risti ja ülestõusmise vägi on meiega, et Püha Vaim teeb meis oma tööd ja puhastab meid seesmiselt. Kõik on Issanda käes ning see, mida oleme uskudes ja Tema käskude järgi elades teinud, jääb meile varaks tulevases elus. Me ei usu loodu kurjusesse või tühisusesse, vaid teame, et see on Jumala kätetöö, mille vaid inglite ja inimeste pattulangemine on osalt rikkunud, kuid mis ajastu lõpu sulatusahjus uuesti puhta ja täiuslikuna ilmub.

Ühesõnaga, nagu Kristus ise ütles, on meil palju ahastust, kuid olgem julged – Tema on selle maailma võitnud (vrd Jh 16:33) ning uue elu tee lahti teinud. Mis tahes ka ei juhtuks, Tema sõnad jäävad püsima ja kindlaks. Kõik need hoiatavad märgid õhutavad aga meid meelt parandama ja Tema peale lootma. See on kõik, mis meil on, ent seda on väga, väga palju!

Andku Issand rahu Ukraina rahvale ja hoidku meid ning kogu maailma sõjatule eest!

Kadunud poja täendamissõna

Kadunud poja täendamissõna räägib isast ja kahest pojast. Isa on väga löödud, kui tema noorem poeg kodust lahkub, kuid seda suurem on tema rõõm, kui nooruk koju tagasi tuleb ning andestust palub. Me õpime sellest, et meil ei tohiks mitte kunagi olla hirm andeks paluda. Jumal on hea ega pea vimma või viha. Kui me palume Jumalalt andestust, ei jäta Tema meid kunagi maha, vaatamata meie käitumisele.

1. Isal oli kaks poega, kellest noorem palus oma pärandiosa.
2. Ta lahkus kodust ning kulutas kõik oma raha ära. Ta meel muutus kurvaks. Ainuke töö, mida ta leidis, oli sigade söötmine.
3. Poeg soovis meelt parandada ning paluda isalt oma käitumise pärast andestust.
4. Kui ta koju jõudis, jooksis isa hõisates teda tervitama, sest oli oma poega väga taga igatsenud. Nad korraldasid suure peo poja tagasituleku puhul.
5. Vanem vend ei olnud üldse rahul, kui kuulis, et noorem on tagasi. Isa seletas talle, et nad peavad olema rõõmsad, et saavad koos olla, sest noorem laps naasis koju.
6. Jumal võtab meid samuti alati rõõmuga vastu ning andestab meile meie patud.

Kadunud poeg tuleb koju tagasi

„Mu poeg oli surnud, ja on jälle saanud elavaks, ta oli kadunud, ja on leitud!” (Lk 15:24)

Jumal andestab meile

„Nõnda, ma ütlen teile, tõuseb rõõm Jumala inglite ees ühe patuse pärast, kes meelt parandab.” (Lk 15:10)

Palve

Kõigepüham Kolmainu Jumal, heida armu meie peale. Issand, puhasta meid meie pattudest; Valitseja, anna andeks meie üleastumised; Püha, tule ja arsti meie nõtrused oma nime pärast.

Ülesanne järgmisel lehel

Притча о блудном сыне

В притче о блудном сыне повествуется об отце и двух его сыновьях. Когда младший сын ушел из дома, отец был сильно потрясен этим поступком, но тем больше была радость отца, когда сын вернулся домой и попросил прощения. На этом примере мы учимся тому, что не следует бояться принести свои извинения. Бог добр и не держит зла, а также не таит гнев. Бог никогда, несмотря на наше поведение, не отвернется от нас, когда мы просим у Него прощения.

1. У отца было два сына. Младший сын попросил отца отдать причитавшуюся ему долю наследства.
2. Получив свою долю, он ушел из дома и потратил все свои деньги, после чего влачил жалкое существование: он пас свиней, – и это была единственная работа, которую ему удалось найти.
3. Младший сын решил исправиться и попросить у отца прощения за свой поступок.
4. Когда он только подходил еще к дому, отец, заметив его, выбежал навстречу, потому что сильно по нему тосковал. Отец устроил большой праздник, чтобы отметить возвращение сына.
5. Когда старший брат услышал, что младший вернулся, он рассердился и не хотел войти в дом. Отец объяснил ему, что они должны радоваться тому, что вновь могут быть вместе, – ведь его младший брат вернулся домой.
6. Также и Бог всегда принимает нас с радостью и прощает нам наши грехи.

Возвращение блудного суда

«Мой сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся». (Лк. 15:24)

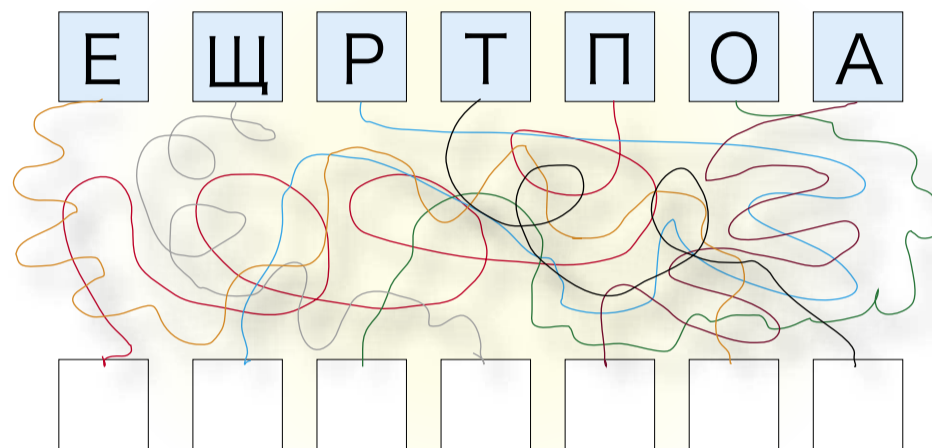
Бог прощает нас

«Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся». (Лк. 15:10)

Задача:

Следуйте цветным линиям и поместите буквы в ячейки, чтобы дополнить предложение недостающим словом:

Бог

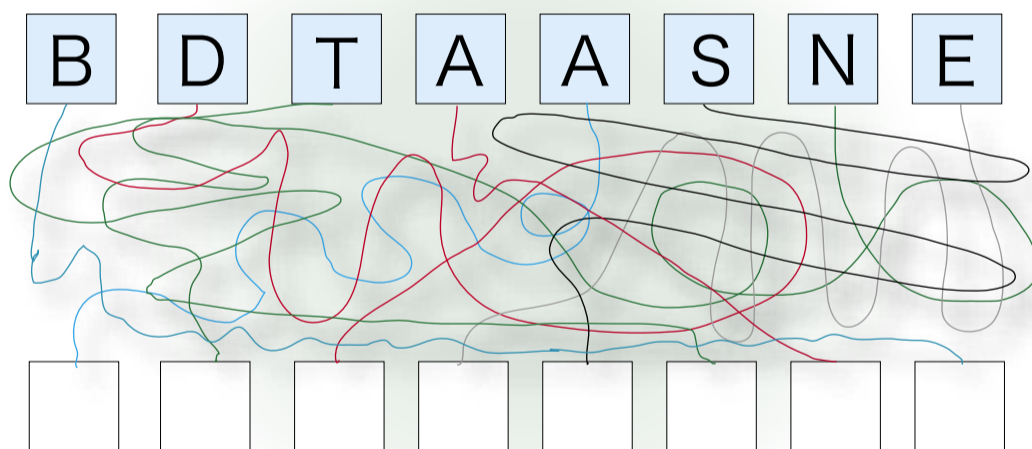

... нам наши грехи.

Ülesanne:

Jälgi värvilisi jooni ja paiguta tähed kastidesse, et lause saaks tervik:

Jumal

... meie meie patud.

Молитва

Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святыи, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради.

КРОВОТОЧАЩАЯ ПАСХА 2022

Фото: Геннадий Бранов 2019

ловека и не дает ему успешно бороться с дьяволом и со всеми проявлениями зла.

Вданном случае хочу уточнить и объяснить свою позицию, и осудить дерзкое вторжение на Украину российской армии, а также заявить о своем твердом неприятии всего того ужаса, который несет в себе война. Мы заступаемся за всех жертв войны, – за беженцев, особенно за женщин и детей, а также за всех тех, кто на месте противостоит великим испытаниям.

Конечно, война не является чем-то новым в истории человечества. Но с точки зрения православной церкви жестокости и ужасы войны не имеют оправдания, поскольку война является полной противоположностью принципам права, любви и свободы. Война по своей сути находится в полном противоречии с учением Христа, провозглашающим мир и стремление человека к единению с сотворившим его Богом.

Борьба с дьяволом и злом в этом мире является постоянным вызовом для нас, православных. Вызов, который заставляет нас спросить себя: насколько наша вера в Христа действительно повлияла на нашу жизнь? Или мы готовы принять только то, что нам кажется подходящим лично для нас? Являемся ли мы истинными детьми Божиими, внимающими требованиям Евангелия? Будучи христианами, мы провозглашаем отвержение от греха, постимся, ходим в церковь, но в то же время грех уныния глубоко укоренился в нашей жизни. Этот грех вошел в нас, и мы не желаем его отрицать, даже наоборот, пытаемся навязать его другим. Короче говоря, мы зачастую не противостоям злу под тем предлогом, что между нами существует известная «братская сплоченность», заставляющая нас считать, что сами мы ответственности не несем, что кто-то другой вмешается и будет действовать вместо нас.

Война открыла нам дикий лик человека. Эгоизм показывает нам, какую власть он имеет над человеком и какое

разрушение способен посеять. Духовно хрупкое общество не способно оказать никакого сопротивления, – оно словно полностью заросло шиповником. Эти шипы являются плодами нашего эгоизма и жажды удовлетворить личные интересы. Столкнувшись лицом к лицу с реальностью момента, человек тщетно пытается освободиться от этих шипов. В то же время ужасное зрелище войны на Украине является возможностью для нас изменить свой образ жизни. Если мы хотим выжить духовно, мы неизбежно должны освободиться от смертельного оцепенения, вызванного унынием. Христос велит нам любить ближних, и святые служат для нас примером. Без раскаяния в наших сердцах нет места Богу. Поэтому давайте бороться со своим эгоцентризмом и ставить ближнего в центр своего бытия.

† Стефан,
Митрополит Таллиннский
и всея Эстонии

Вэтом году мы также хотим утвердиться в святом православии и бороться со своими искушениями во время Великого поста, – ведь уныние (*греч.* akēdia) как раз и есть то искушение, которое разрушает духовную борьбу христианина, поскольку несет в себе леность и безразличие, для борьбы с которыми требуются духовные усилия. Вот почему наши отцы церкви считают уныние одним из величайших смертных грехов. Уныние сравнимо с ядом, который парализует че-

Патриарх

ПОУЧЕНИЕ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Варфоломей,
Милостью Божией Архиепископ
Константинополя – Нового Рима
и Вселенский Патриарх,
всей полноте Церкви благодать, мир
и милость воскресшего во славе
Спаса нашего Иисуса Христа.
Любимые и желанные о
Господе братья и чада!

Мы славим Бога, вновь приведшего о нас, свою паству, в славное и благословенное время Великого поста, в череду многотрудных физических и духовных занятий и усилий, чтобы мы достойно подготовились и смиренно поспешали к святой и великой седмице и воскресению Господа нашего – дарителя жизни.

Аскеза, т.е. труд духовный, конечно, и является не только трудом и обязанностью монастырской братии. Это также не следствие внешних влияний на христианский образ жизни, которые пропитали нашу благочестивую жизнь. Духовный труд является ядром христианской и церковной жи-

зни, призывом Христа к верующим и свидетельством Его спасительного присутствия в нашей жизни. Мы, верующие, обращаемся не к обезличенному и недоступному Богу, а к воплощенному Слову, явившему нам любовь Бога Отца и приобщение к Духу Святому, совершенство милости и свободы. В этом смысле Святой и Великий пост полон божественной благодати и особых глубоких переживаний; он есть живое выражение и явление всего богатства и истины церковной жизни.

Ни один аспект жизни верующего не отделен от других и не является самоцелью. Жизнь во Христе есть единое и нераздельное целое. Покаяние, смирение, молитва, пост и добрые дела переплетены между собой и приводят верующих в церковь, к святому причастию, к таинству Царства Божьего в конце времен. Духовная борьба есть начало, «узкие врата», ведущие нас к Святой Святынь. В священном предании нет понятия «аскезы ради аскезы». Аскетические труды всегда являются путем, который находит свое назначение в церкви, чтобы привести нас к причащению Святой Тайны. Через них мы становимся частью церкви как духовного тела Христа, идущей к будущему Царству. Вспомним пример преподобной Марии Египетской, почитаемой в пятое воскресенье Великого поста, которая после сорока лет строгой аскезы и непрестанных молитв попросила святого Зосиму принести ей тела и крови Христа, распознав, что святое причастие есть источник жизни и бессмертия. Святой и Великий церковный собор, прошедший на Крите в 2016 году, также назвал пост «великим духовным трудом», и заявил, что «истинный пост оказывает влияние на всю жизнь во Христе верующего, увенчанную участием в Божественной литургии, осо-

бенно принятием таинства причастия» (О значении соблюдения поста, 1 и 3).

Православная духовная жизнь невозможна без таинства причастия, через которое мы, верующие, становимся единым телом, сопричастными лицами, общиной, участниками общего спасения, дарованного нам Спасителем Христом, что есть общее благо. Таким образом, пост есть подчинение и послушание закону Прихода и общему опыту. Святой и Великий пост призывает нас явить Церковь в качестве святого и торжественного места, предвкушением и отображением чудесного света, совершенства жизни и исполнения радости конца времен. Мы не можем понять дух Святого и Великого поста ни посредством опыта, ни богословия, пока не рассмотрим его как путь к Пасхе. На протяжении всего поста сохраняется определенное пасхальное жизнеощущение. Мрачный же аскетизм является убогим искажением христианского опыта, забвением грядущей радости и царства, жизнью, словно и не было Христа, без ожидания воскресения мертвых и будущей жизни.

Этот дух воплощался также в предпасхальном посте ранней церкви, который был подготовкой учащих вере к святому крещению во время божественной пасхальной литургии. И когда впоследствии богословский характер Великого поста трансформировался в дух покаяния, опыт покаяния – как второго крещения, неизменно ведущий нас к пасхальному и благодарственному исполнению церковной жизни, к дому Отца, приобщению к Духу Святому – сохранился и был продолжен. Именно здесь крестный путь завершается невыразимой словами радостью воскресения.

Спасительная истина православного Сучения, благочестия и духовности выдвигает на первый план также освящение святого мира, которое мы совершаем милостью Божией на Великую седмицу в нашем святом церковном центре. Это освященное, приобщающее к Богу миро передает через миропомазание разнообразные и обильные дары и милости Святого Духа к только что крещеным. Они укрепляют их в намерении принять участие в жизни Церкви, начиная с чистейшего таинства причастия, а также свидетельствовать о Божественном присутствии святых даров и надежды мира в нас. Характер Святого Духа как силы приобщения проявляется также в приготовлении святого мира с добавлением в него ингредиентов, приносимых различными поместными церквями, а также во времени и месте его освящения во время таинства причастия, сразу после освящения святых даров. Кроме того, он проявляется и в других способах использования святого мира, таких как в обращении в православную веру иноверцев и вероотступников, при освящении церковей, алтарей, антиминсов и пр.

Сэтими мыслями желаем всем доброго поста, ровного пути к Пасхе Господней и просим для всех вас, – почтенных братьев во Христе и чад Константинопольской Церкви-Матери во всем мире, – милости и великой любви Самого Бога, неизменно благословляющего аскетический труд своего народа.

Вначале Святого и Великого поста в 2022 г.

† Варфоломей,
патриарх Константинопольский,
ваш горячий молител перед Господом

ПАСТЫРСКОЕ ПРИЗВАНИЕ БЫЛО У МЕНЯ ВРОЖДЕННЫМ

Интервью с митрополитом Стефаном на тему его жизненного пути

3-я часть. Годы службы священником в Париже. Работа вожатым в скаутском лагере. Начало см. в «Metropolis» № 94, 2021 г.

Итак, Вы планировали поехать в монастырь на Патмос, но все же остались во Франции.

– Митрополит Мелетий меня переубедил. В ноябре 1968 года меня рукоположили в священники, после чего я оставался в Париже до 1972 года. Рукоположили меня с той целью, чтобы я оставался в распоряжении митрополита в качестве священника-порученца, если можно так выразиться, то есть для того, чтобы меня можно было командировать куда угодно, поскольку священников не хватало. Хотя я и проживал в Париже, но, если в каком-нибудь уголке Франции нужен был священник, меня отправляли туда. Причем как в приходы, в которых вообще не было священника, так и туда, где священник болел или его нужно было заменить по какой-либо иной причине. Словом, если где-то возникал прорыв, то его надо было устранить.

Вас отправляли, чтобы только отслужить литургию, или где-то Вы оставались подольше?

– Нет, не оставался. Я служил только по воскресеньям и большим праздникам. Прежде всего, по выходным. Кроме того, я регулярно служил в Лилле, Ле-Мане, иногда в Гренобле и Сент-Этьене. Митрополит Мелетий отвечал за всю французскую православную церковь. Конечно, в нее входили в основном греческие приходы, но в нашей епархии были также и французские. Кроме того, во Франции действовала Русская церковь в изгнании, в которую входили все русскоязычные приходы, но также и франкоязычные, – причем в Русской церкви таковых было многим больше, чем у нас. Когда я был рукоположен в священники, у нас было мало франкоговорящих приходов. Всего в нашей епархии было около 40 приходов: в основном на юге Франции, также в Париже, Лионе, Гренобле... Они состояли из греков, эмигрировавших из Малой Азии в 20-е годы прошлого века, и их потомков. В то время средиземноморские порты Франции остро нуждались в рабочей силе, и тогдашний французский консул на Родосе организовал трудовую миграцию греков во Францию, – где они и осели. Те, кто приехал на север – в Лилль – устроились на работу в текстильную промышленность, в основном красильщиками, но были и те, кто работал в химической промышленности. Все священники в епархии также были греками. Позже к ним добавились французы. В то время в греческой епархии еще не было ни одного монастыря.

Какой была Ваша рабочая неделя?

– В течение недели я работал в офисе митрополита и отвечал за переписку на французском языке. Я писал и переводил письма, то есть, по сути, был его секретарем. Сам митрополит очень хорошо знал французский язык, но моя задача состояла в ведении его переписки, а также в переводах на французский язык писем патриарха Афинагора. Когда же митрополита приглашали прочитать лекцию или выступить с докладом, мне зачастую приходилось писать их для него. Он давал мне тезисы своих выступлений, а я должен был развить и записать его мысли. Тогда я писал также проповеди, но они были моими собственными. Для других я проповедей не писал. Когда митрополит Мелетий должен был выступить в Совете Европы, я написал для него текст. Иногда он диктовал, а я печатал на машинке.

В то время Вы также участвовали в скаутском движении, не так ли?

– Да. Фактически, я начал работать со скаутами уже в первый год моего приезда в Париж, когда поступил на учебу в Сен-Серж. В то время я жил и питался при институте, а также получал небольшую стипендию в размере 30 франков, что было совсем немного: билет в метро стоил 50 центов, чашка кофе столько же, хлеб – 70. Если бы я захотел купить подарок, у меня не осталось бы денег более ни на что.

Когда после первого класса учебы начались летние каникулы, я остался в Сен-Серж один, тогда как все остальные разъехались по домам. Я пошел на прием к митрополиту, потому что мне нужно было на что-то жить, и к тому же я не знал, что делать. Митрополит спросил, были ли у меня какие-нибудь увлечения в мою бытность в Африке, и я ответил, что был скаутом. Оказалось, что у митрополита был в Греции скаутский лагерь и, если бы я захотел, то мог туда поехать, чтобы поработать волонтером. Он пообещал купить мне билеты на самолет, а в самом лагере я мог жить и питаться бесплатно. Я, конечно, согласился и с радостью принял его предложение. Так что уже в первое свое лето во Франции я стал вожатым в скаутском лагере греческой метрополии.

Где располагался этот лагерь?

– В Корфу. Для меня это была первая возможность вновь посетить Грецию после памятного визита к деду, когда мне было пять лет. Чтобы добраться до Корфу, сначала нужно было приехать в Афины. Впервые в жизни мне посчастливилось побывать на Акрополе. Для меня это было очень волнительно. Это было в 1963 году. После первого лагеря, в качестве учащегося Сен-Сержа, я каждую субботу проводил скаутские собрания как в Париже, так и в других местах, когда нужно было кого-то заменить.

Летние лагеря продолжались один месяц, и в них участвовало около 150-200 детей. Иногда даже 250 и больше. Случались лагеря и на триста детей. Спали, конечно, в палатках. Организацией лагерей занималось Министерство социальных дел Греции. У них там каждый год были свои лагеря, и митрополит договорился с ними, чтобы одна из смен была нашей. Организацией лагеря занималось афинское бюро министерства;

Молодой дьякон Стефан с митрополитом Мелетием в Париже 1968. г.

в Корфу же мы ездили только первые три года. Дети были из всех наших приходов во Франции. Мы собирали всех в один лагерь, не делая различия между теми, кто побогаче, а кто победнее, – принимали всех, но обычно детей отправляли в лагерь малообеспеченные семьи. Очень часто у таких детей не было возможности поехать куда-нибудь на отдых, так как у их родителей не хватало денег. Мы принимали их бесплатно, потому что митрополит Мелетий нашел спонсоров и устроил так, что на их деньги мы могли перевозить детей в лагерь. Сначала мы ехали на поезде, затем на пароме, а позже – благодаря Онассису, который владел Olympic Airways – мы смогли летать на самолете, – и тогда самолет был полон детей.

Иногда у нас случались забавные происшествия. Я помню одну поездку на Корфу: паром отправлялся из Бриндизи в Италию. Дети с северной Франции собрались в Париже, а дети с южной Франции – в Лионе, и уже оттуда ехали вместе. Когда мы все встретились в Бриндизи и началась посадка на паром, дети должны были предъявить проездные документы. У всех парижан были с собой паспорта, но оказалось, что у половины детей из Лиона паспортов не было. Просто родители не дали им с собой никаких документов. Кто-то из детей показывал членский билет своего футбольного клуба, кто-то – баскетбольного... Митрополит попал в сложную ситуацию, так как пограничники заявили, что не пустят на борт детей без паспорта. А паром уже готовился отчаливать. Что сделал митрополит? – Он вышел на трап, встал посреди него и, держа в руках епископский посох, заявил, что не двинется с места, пока все дети не будут допущены на борт. Пришло время отдавать концы; приходит капитан и видит митрополита, стоящего посреди трапа. «Владыка, прошу Вас уйти, нам пора отчаливать», – а митрополит в ответ: «Только если Вы возьмете на борт детей». Таким образом все дети смогли подняться на борт со всеми своими членскими билетами в футбольные и волейбольные клубы. (Митрополит Стефан смеется от души.) Невероятная история, но все было именно так! Просто другого выбора у митрополита не было. После этого лионские священники, естественно, собрали все документы и отправили их нам. Вот такие были сюрпризы. Митрополит всегда

ездил вместе с нами, но не был в лагере, а жил в Афинах и вел там свои дела.

Расскажите подробнее об этих лагерях. Занимались ли в них детьми также другие священники и дьяконы?

– В лагере был только я. Это означало, что я должен был все организовывать сам. Я выбрал вожатых подразделений из числа своих скаутов – всего их у меня было более 40. Вместе мы проделали очень много работы. За эти годы через наши лагеря прошло около 6000 детей. 30 лет подряд, каждое лето. Лагеря проводились поочередно: один год во Франции, на следующий год в Греции. Во время лагеря во Франции мы готовились к лагерю в Греции. Во Франции лагеря были меньше, и в них мы отбирали вожатых скаутских подразделений и подготавливали их к работе в греческих лагерях.

Дети в лагере были в возрасте 5–17 лет. У нас было три группы: группа мальчиков 10–11 лет, группа девочек и младшая группа 5–10 лет. В лагерях у каждой группы была своя территория; все жили в палатках. Подготовка лагеря требовала серьезной круглогодичной работы. День начинался с утренней гимнастики, за которой следовал завтрак, после чего все выстраивались посреди лагеря на поднятие флага. Тогда же также читали утреннюю молитву. Потом проводился контрольный осмотр: все должны были привести в порядок свои вещи и навести порядок в палатке; после осмотра все отправлялись к морю. Таковы были утренние занятия. Затем следовали обед и тихий час, который был неизменной проблемой, поскольку дети не хотели спать, тогда как все местные греки спали. После обеда наступал черед спортивных занятий и экскурсий. За благоустройство и питание в этих лагерях отвечало министерство. Помимо вожатых подразделений в лагере были также дежурные; тогда как вожатыми были старшие скауты, дежурных выбирали из младших.

Какие изменения Вы заметили за эти тридцать лет?

– Впечатляло то, что вначале в лагерях были в основном дети из малообеспеченных семей. Если бы не мы, они бы не смогли никуда уехать из дома. Помню, как однажды мы собрались на вокзале, чтобы сесть на поезд, и подъехала семья с тремя детьми: два мальчика и девочка. Мальчики были записаны в лагерь, а девочка – нет, и выглядела она по-настоящему несчастной от того, что ее не было в списке. Я спросил родителей, почему они не отправили дочку в лагерь. Родители почувствовали себя очень неудобно, и я понял, что у них не хватает денег, чтобы отправить в лагерь всех троих. Они не могли дать карманные деньги им всем, тогда как в течение месяца детям все же нужны были деньги на определенные расходы. Тогда я все равно взял девочку с собой и попросил родителей выслать ей вещи.

Иногда бывало так, что детей отправляли в лагерь без всякого багажа, – без сменной одежды и чего бы то ни было еще. Словом, дети имели лишь то, что было на них надето. На самом деле ситуация была довольно комичной, потому что по приезде в Грецию я должен был бегать по магазинам, чтобы

купить для них одежду, чем удивлял торговцев, когда покупал, например, детское белье. В лагере у меня был маленький мотороллер, – я грузил на него все эти штанишки и рубашки, – и это веселило всех.

Так было в начале. Затем, через десяток лет, малообеспеченных детей уже не было. Родители стали крепче стоять на ногах и были значительно лучше обеспечены в финансовом плане: могли платить за авиабилеты и прочее, а также давать деньги на карманные расходы. В то время на каждого ребенка мы собирали по сто франков на авиабилет и просили родителей выделить еще сто франков на карманные расходы. Когда мы приезжали в лагерь, я собирал у детей (особенно это касалось детей младшего возраста) деньги в так называемый банк, которым заведовал «банкир», который выдавал деньги каждому по мере необходимости. Таким образом мы учили детей правильно обращаться с деньгами. В противном случае они бы разгнали их уже в первые дни.

Затем ситуация изменилась. К нам начали поступать дети из неблагополучных семей. Зачастую складывалось впечатление, что семьи пользовались лагерем для того, чтобы в течение месяца просто отдохнуть от своих детей. У детей было такое же впечатление. Им казалось, что родители хотят от них из-

бавиться. И с такими детьми было намного сложнее. Зачастую в таких семьях родители или разводились, или семья переживала иные, куда более сложные проблемы, чем те, которые испытывали дети из бедных, но дружных семей. Позже появилось много детей из неполных семей. В лагере все знали, что со мной можно было поговорить в любое время и в любой день недели, и, должен признаться, что ночью мне почти не удавалось поспать, так как дети приходили один за другим: плакали, рассказывали о своих заботах и бедах. Это был тяжелый, но необходимый урок в плане душепопечительной заботы, который дал мне много сил на будущее. Таким образом я на деле выполнял свою роль священника. Днем я мог играть с ними в футбол, но вечером они рассказывали мне о своих заботах. Этой возможностью пользовались многие дети, особенно девочки, подростки, которые приходили и рассказывали о своих проблемах. И лагерь очень им помогал в данной ситуации.

Мне пишут даже сегодня. Например, я получил письмо от одной девушки, которая посмотрела фильм об Эстонии, и начала искать мои контактные данные, чтобы написать мне. Но было много других, молодых в то время людей, которые позже искали меня. Мне вспоминается один мужчина, который написал мне, уже будучи взрослым,

что крестился потому, что помнил все, что я говорил им в лагере. Есть и другие, которые писали: «Я помню, что ты это сказал», или «Я помню то, что ты сказал». Такое случается часто. С некоторыми у меня была более регулярная переписка, но есть и другие, с которыми такой переписки не было, но сюрпризы происходят все время. Они все помнят. Однако я был очень строгим и требовательным. Я помню, как один из молодых людей сказал: «Стефан очень строг, но справедлив. (Все они называли меня Стефаном, и я позволил им так себя называть, хотя родители хотели, чтобы ко мне обращались «отец Стефан»).

И еще одно обстоятельство осталось у меня в памяти: в лагере были как мальчики, так и девочки и, конечно же, не обходилось без первых влюбленностей. Хотя в те годы случались и серьезные происшествия, но не было ни одного несчастного случая или инцидента. В принципе, некоторые из этих влюбленностей перерастали позже в брак, – и эти семьи неразлучны до сих пор. Среди них было не так много разводов; словом, хорошие сложились семьи. Думаю, что благодаря лагерю. Я предоставлял молодым людям некоторую свободу действий в плане чувств. Однако я был очень строгим: были вещи, которые я запрещал. Однако я доверял молодым людям, и они оправдывали мое

доверие. Случалось, что я позволял юноше и девушке 17-18 лет уйти на часик из лагеря, чтобы провести вместе время где-нибудь за чашкой кофе или стаканом кока-колы. Я наставлял их так: «Только ведите себя хорошо и не делайте глупостей».

В то же время все знали, что если я решил отправить какого-нибудь ребенка в больницу, то дело было серьезным. Мы были вдалеке от дома, и, если возникала серьезная проблема, без сомнений отправляли ребенка в больницу. Это помогло нам избежать тяжелых ситуаций; например, случались операции по удалению аппендикса. Конечно, не какие-то сверхсложные вещи, но все же. Так что, бывало всякое, и со всем надо было справляться. Это была необычная миссия. Чего только я там не испытал! Но могу сказать лишь одно: молодые люди оставались молодыми людьми, но никогда не подводили меня, не смеялись надо мной, не использовали меня, – чего, возможно, я не всегда могу сказать о взрослых. С другой стороны, эти постоянные поездки по Франции были хорошим делом, потому что позволяли людям ходить в церковь и на службы. Для них это было очень важно, им было это нужно. И в процессе этих поездок у меня также возникало много хороших и теплых отношений со взрослыми. Я испытывал от своей работы настоящую радость.

ПАСТЫРСКОЕ ПРИЗВАНИЕ БЫЛО У МЕНЯ ВРОЖДЕННЫМ

Интервью с митрополитом Стефаном на тему его жизненного пути

4-я часть. На юге Франции. Начало см. в «Metropolis» № 93, 2021 г.

В 1972 году начался новый период Вашей жизни. Расскажите о нем подробнее?

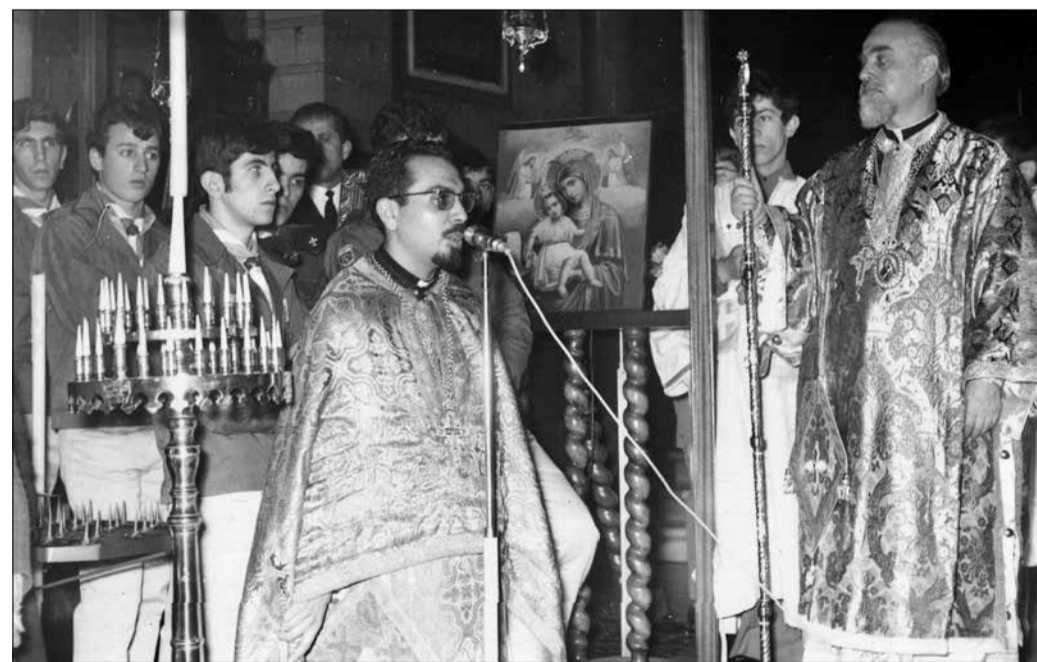
Конечно. В 1972 году меня отправили на юг Франции на должность главного викария, и для меня началась совсем другая жизнь. Я, конечно, продолжал работать со скаутами, и был вожатым в скаутских лагерях до 1997 года. Когда я жил в Париже, епископ Иеремия уже был помощником епископа в Ницце. Он был там до меня, и, конечно, был старше меня. Он уже был архимандритом, когда я был диаконом.

В 1972 году я стал священником; меня рукоположили в 1968 году. В эти годы в марсельском приходе – на юге Франции – сложилась очень непростая ситуация. Митрополиту Мелетию пришлось отправить туда помощника епископа, чтобы взять ситуацию под контроль. В марсельском приходе служил в то время во всех отношениях хороший священник, но, к сожалению, с несколько бунтарским характером, можно даже сказать, социалист. Вокруг него собралась группа молодых людей, и ситуация вышла из-под контроля. Митрополит Мелетий назначил на должность главного вика-

рия, который отправил этого священника на службу в один из приходов, расположенных подальше от Марселя. Главным викарием был епископ Иеремия. Но поскольку епископ Иеремия не смог взять ситуацию под контроль, митрополит решил послать туда меня. В 1972 году, сразу по возвращении в Париж из скаутского лагеря, я узнал, что мне предстоит отправиться на юг Франции. Епископ Иеремия вернулся в Париж, а я отправился ему на смену.

В Париже у нас было две церкви, и епископ Иеремия был настоятелем одной из них, – а именно церкви святых Константина и Елены. Когда его отправили на юг, я начал служить в этом приходе вместо него. Я уже служил 2-3 года, когда меня отправили на юг. Перед отъездом меня назначили главным викарием.

Итак, я попал в Марсель, где сложилась просто ужасная ситуация, поскольку прихожане в Марселе были очень привязаны к своему священнику. Епископ Иеремия был с ними мягок и терпелив, тогда как я был сделан из другого теста. В отличие от епископа Иеремии, я был очень активным и деятельным. Иеремия просто служил литургию, рассказывал добрые истории, а я никак не мог смириться с ситуацией, и, как главный викарий, много передвигался по округе, в которой были приходы, не имевшие своего священника; я брал их под свою опеку, а также образовывал новые приходы, например, в Авиньоне и Ля-Фори. Так что я был довольно активен, и марсельцам это не нравилось, тем более что я представлял Париж. Париж и Марсель конкурировали друг с другом, для марсельцев я был человеком, претворяющим в жизнь установки митрополита, что вызывало сильное противостояние.

Брюссель, 1972 г.

Бывший священник марсельского прихода служил в то время в Пор-Сен-Луи-дю-Рон, куда его послал епископ Иеремия. Я перевел его оттуда обратно. Я обратился к митрополиту Мелетию и сказал: «Владыка, действуя таким образом, мы ничего не добьемся», – и попросил его перевести этого священника обратно в Марсель. В то же время я также оставался в Марселе. Тот священник не мог согласиться на мое присутствие, так как считал Марсель своей вотчиной. Но я сохранял терпение несмотря на угрозы смертью; мою машину разбили, словом, вели себя довольно агрессивно. Молодые инакомыслящие собирались в церкви и, проходя мимо моей комнаты, колотили в мою дверь, иногда даже в час ночи, и священник, который также жил в доме при церкви, позволял им действовать таким образом. Он хотел, чтобы я ушел.

Словом, я провел в Марселе несколько лет, вначале один, но мало-помалу мне удалось организовать жизнь в этом районе, и дышать мне стало легче. Через некоторое время к нам стали присоединяться студенты из Экс-ан-Прованса и Монпелье, которых насчитывалось более 400, – и никто ими не занимался. Я взял на себя руководство студенческим капланатом. Каждые две недели я ездил то в один город, то в другой. Я давал студентам уроки французского, справлял церковные службы и закладывал основу для настоящей студенческой сети. И люди меня поддерживали, потому что я бывал везде, где нуждались в помощи.

Сколько приходов было у Вас на юге Франции?

В 1972 году, когда я туда приехал, у нас

были приходы в Тулоне, Марселе, Пор-Сен-Луи-дю-Рон, Пор-де-Бук, Ницце, Сален-де-Жиро, а когда я уехал, к ним добавились приходы Экс-ан-Прованса, Монпелье, Авиньона и Нима, монастырь Ля Фори, а также один небольшой приход неподалеку от Тулона, название которого я сейчас не помню. В принципе, количество приходов удвоилось. Кроме того, я ездил в Барселону. Вначале у нас было немного священников: двое в Марселе, один в Пор-де-Бук, один в Тулоне и один в Ницце. Каждые выходные я служил четыре литургии. Митрополит дал мне на это специальное разрешение: одну литургию в субботу утром, вторую в субботу вечером, третью в воскресенье утром, четвертую в воскресенье вечером. Мой недельный пробег составлял 600 км. В страстную неделю я объезжал все приходы и проводил около 30 богослужений. В большинстве случаев я был один, поэтому в отсутствие певчих мне приходилось петь самому. Такая у меня была работа. Я ее любил и ни на что не жаловался.

Расскажите о своей работе на французском радио.

Будучи на юге Франции, я раз в месяц ездил в Париж, чтобы участвовать в радиопередаче *France Culture* на тему православия. Конечно, я всегда встречался с митрополитом. Радиопередачи я вел, в общей сложности, в течение 22 или 23 лет, и они пользовались большой популярностью. Все радиопередачи были записаны на аудиокассеты, которые хранятся у меня до сих пор. В то время эти кассеты были также в продаже. Когда эта серия радиопередач была завершена, мне передали все записи, и я отнес их в Парижский собор; не знаю, хранятся ли они там еще. Сначала нам – т.е. мне и еще одному представителю Русской церкви – предложили вести передачи на телевидении. Мы готовились к ним вместе. Но потом было принято решение вести передачи также на государственном радио. Митрополит Мелетий позвонил мне и попросил меня этим заняться. Раньше я не вел никаких радио- или телевизионных передач, и не имел понятия, что из себя представляет эта работа.

Работа на радио мне очень нравилась, причем даже больше, чем на телевидении. Я начал работать на радио совершенно один. Помню свои первые выступления, – это был по-настоящему особый опыт. Я ничего не знал об этой работе. У меня была ассистентка-звукорежиссер. Самое комичное при этом заключалось в том, что она была коммунистом и убежденным атеистом. Звали ее мадам Масан. Сначала, когда я начал вести эти передачи, она относилась ко мне по-матерински. Она сразу поняла, что я не имею представления о работе на радио, и, взяв меня под свою опеку, стала обучать меня профессии. То, как она меня учила, было чем-то особенным. Затем пришло время ее ухода на пенсию. Особую пикантность всему этому придавали ее убеждения. Ей на смену пришел новый ассистент, с которым я работал до своего ухода с радио. Он и его жена приняли православие в результате моих радиопередач. Я вел две получасовых радиопередачи в месяц на протяжении двадцати лет подряд. Подготовка к ним занимала очень много времени, тем более что я относился к ней очень серьезно. Я готовил

серии передач, при этом каждая передача была построена следующим образом: вначале десятиминутное обсуждение, затем духовная музыка, и в конце проповедь. С этой целью я приглашал в студию известных православных мыслителей того времени. Все это было очень увлекательным также и для меня.

В первые годы у меня было одно твердое правило: поскольку у меня в студии были звукорежиссеры, я сказал им, что, если во время беседы в студии вы ничего не понимаете, зажгите красный фонарь. Особенно это касалось проповедей. И вот, пришел как-то в студию один из моих бывших преподавателей; читает проповедь, – и вдруг загорается красный свет. Он спрашивает: «Что случилось?» Я отвечаю: «Смысл предложения, которое Вы только что произнесли, не поняли. Профессор, Вам нужно его перефразировать». Некоторым это очень не нравилось, и поначалу они очень злились: «В каком смысле я должен это перефразировать?» Я настаивал: «Должны, потому что вы разговариваете с людьми, в основном не православными, которые не понимают таких специфических слов, поэтому найдите способ объяснить то же самое, не используя сложные богословские термины, которых они не понимают». Именно в этом был смысл подаваемого техническими работниками знака. И так, они начинали снова, находили нужные слова, и все шло отлично. Таким образом, я научил своих бывших преподавателей, как нужно проповедовать и как говорить, и впоследствии они принимали это требование, были внимательны и очень благодарны, а будучи в студии, неотрывно следили за красным фонарем, – зажжется он или нет. Если вспомнить тех, кто приходил ко мне в студию, я хорошо помню Оливье Клемана, а также отца Алексия Князева, отца Александра Шмемана, отца Иоанна Мейендорфа – все они хорошо известны в православном мире. В любом случае, это была долгая и кропотливая работа, особенно над сериями передач. Например, я делал серию об абортгах в то время, когда во Франции был принят закон, разрешающий аборт. Позже я вел еще ряд передач на тему евтаназии.

Какие у Вас были обязанности помимо службы в приходах и передач на радио?

Кроме того, я отвечал за душепопечительскую и молодежную работу, занимался делопроизводством, перепиской митрополита, подготовкой проповедей и докладов. Можно сказать, что моя жизнь была довольно напряженной: я мало спал и постоянно страдал от недосыпания. Тем не менее, я оставался очень деятельным.

У меня открылся диабет еще в 1968 году. Однажды утром я проснулся, а мое тело полностью покрылось красной сыпью. Я подумал, что чем-то заболел, никому об этом не сказал и пошел сдавать анализы. Я попросил сделать мне анализ крови. В результате мне сказали, что у меня начинается диабет. У нас был очень хороший врач, грек по национальности, который работал в доме престарелых. Я рассказал ему о своей проблеме, и он посоветовал мне придерживаться диеты. Он составил для меня специальное меню, которое я должен был соблюдать. Я сбросил 20 килограмм, – к тому времени у

меня был большой лишний вес, – и мой организм восстановил определенный баланс. Никакого лечения мне поначалу не назначили, но, когда меня отправили в Марсель, где я оказался один как перст, причем в непростой ситуации, мой диабет вновь обострился. Однажды утром, когда я пытался встать, то не удержался на ногах. После этого случая я обратился к специалисту в Марселе. «Я выпишу Вам таблетки глюкозы, – сказал он, – Принимайте по одной таблетке всякий раз, когда почувствуете головокружение». Я последовал его указаниям, но с таким «лечением» мне становилось только хуже, и однажды вечером, когда я читал лекцию студентам в Монпелье, меня на обратном пути в Марсель просто парализовало за рулем, и, не в силах ничего предпринять, я съехал с дороги прямо в поле. К счастью, ничего страшного не случилось, – машина перевернулась; в конце концов, я оказался в больнице в Монпелье, где пролежал целый месяц. У меня был диагностирован диабет, и я впервые получил серьезное и действительно полезное лечение. С тех пор я лечил свой диабет именно в этой больнице. В то время в ней работал интерном доктор Монье (позже он стал профессором), и, когда меня выписали из больницы, он сказал мне, что мне обязательно нужен врач, который бы следил за моим здоровьем. Я спросил, могу ли я в таком случае продолжить лечение у него, поскольку часто бывал в Монпелье по делам. Он согласился, и таким образом я стал его пациентом. Он замечательный человек, который помог мне выбраться из тяжелого положения. Благодаря ему я держусь до сих пор. Сейчас он уже на пенсии; он также подготовил множество молодых врачей; так что в больнице Монпелье работает хорошая команда. Меня там хорошо знают, моя история болезни находится у них, поэтому я до сих пор езжу туда на лечение.

Монпелье – приятный и небольшой город, но это, прежде всего, университетский город. Вы ведь также занимались студентами.

Что касается моей работы со студентами, я, кроме всего прочего, организовывал для них множество экскурсий, – так, мы ездили в Барселону, Мадрид, Рим, Флоренцию, Брюгге... Каждый год мы предпринимали одну поездку. Это были экскурсионные поездки, но мы всякий раз посещали и церкви; в нашей группе были также студенты, которым доводилось впервые побывать на литургии, которая велась на фламандском языке. Раньше им и в голову не приходило, что литургия может проводиться на другом языке, кроме греческого. Для них это было большим открытием. Кроме того, наши поездки были очень хорошо подготовлены. Перед отъездом я собирал студентов, мы подготавливали все материалы, брали с собой также слайдовые фотопленки, и студенты, изучавшие искусство или архитектуру, получали возможность увидеть все своими глазами. Сами они не могли себе позволить таких поездок, но, когда они путешествовали со мной, это им почти ничего не стоило. Мне везде удавалось договориться о скидках. Ездили мы всегда на автобусе, и автобус был всегда полон. Я общался с местными священниками; в этих местах зачастую были католические учреждения, в которых можно было разместиться по очень и очень выгодным ценам.

Рукоположение во епископа 1982. г.

Такой была моя жизнь в Марселе. Через некоторое время приход в Ницце остался без священника. Местный священник ушел, у него там возникла какая-то проблема; ситуация в Марселе также нормализовалась, и митрополит Мелетий попросил меня отправиться в Ниццу, – что я и сделал. Тогда я все еще был главным викарием. Живя в Ницце, в моем распоряжении все равно оставались спальня и кабинет в Марселе. Самое далекое место, куда я ездил справлять службу, была Валенсия.

При каких обстоятельствах Вы были рукоположены в епископа?

Что касается моего рукоположения в епископа в 1986 году, причина этого была в том, что Франция была слишком велика для одного епископа. Была необходимость, чтобы кто-то был на юге; митрополит Мелетий также думал о будущем. Ему было необходимо подготовить своего потенциального преемника. Наилучшие шансы, конечно, были у епископа Иеремии, поскольку он учился в Халки. У меня не было такой возможности. Поскольку Франция была одной епархией, у нас был один епископ – митрополит Мелетий, – у которого было два помощника: один в Париже, другой в Марселе. Я, как помощник епископа, не имел права на самостоятельное принятие решений, – в данном случае я должен был советоваться с митрополитом. Моя задача состояла в занятии местными делами, и особых проблем у меня не было. Я регулярно писал отчеты, раз в месяц ездил в Париж и находился в постоянном контакте с митрополитом. В целом, я был доволен своей жизнью в Ницце. Я много работал, у меня был плотный график, множество дел, и в действительности я не думал ни о чем другом.

Интервью провела
Тийна Нийтвяги-Хелламаа

СКАЗАТЬ БОГУ «ДА» Проповедь на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы

Филип ЛеМастерс

Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы указывает на хороший пример того, как человек может жить с верой в Бога. Когда архангел Гавриил возвестил Деве Марии, что она будет Богородицей, Мария, услышав эту весть, сказала: се, раба Господня, да будет Мне по слову твоему. (Лука 1:38). Она была готова стать живым храмом Божиим, чтобы Спаситель смог «избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству (Послание к Евреям 2:15). Она отдала всю свою жизнь заботе о Христе, чтобы Он стал причастным нашей плоти и крови, и воплотился в нашей человеческой природе, «дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть дьявола (Послание к Евреям 2:14).

Согласно распространенному мнению, эта молодая девушка не имела никакой силы, ни значения. В Палестине первого века нашей эры никто не мог предполагать, что она может сыграть какую-то роль в искуплении рода человеческого. Но у нее хватило смелости следовать призыванию, полностью изменившему ее жизнь, – и непредвиденным образом Богородица стала могучим борцом со злом. Она разорвала порочный круг неповиновения, восходящий к противостоянию наших древних предков Богу, которые некогда предпочли исполнить свою эгоистическую волю вместо того, чтобы повиноваться Господу и стремиться быть подобным Ему в святости. Мария же предпочла сказать безраздельное «да», и выразить готовность поделиться своей плотью и кровью с Сыном Божиим, и служить Ему на протяжении

всей Его земной жизни, даже когда Он был распят на кресте. Мария – это новая Ева, через которую в мир пришел новый Адам, чтобы спасти нас.

Для того, чтобы Спаситель был одновременно и Богом, и человеком, Он должен был родиться от женщины. Для того, чтобы стать первосвященником перед Богом, жертвующим собой на кресте, чтобы победить власть смерти, Мессия «должен был во всем уподобиться братьям» (Евр. 2:17). Это стало возможным благодаря послушанию Богородицы. В данном случае мы видим великую тайну сотрудничества между Богом и человеком, потому что Бог всегда уважает нашу личную свободу. Бог не случайно избрал Деву Марию, – Он готовил ее от поколения к поколению евреев, до пожилой и бесплодной супружеской пары Иоакима и Анны. Подобно Аврааму и Сарре до них, у них родился ребенок не благодаря их собственным способностям, а благодаря чудесному благословию Господа после мучительных лет бесплодия. Точно так же у Захарии и Елизаветы родился Иоанн Креститель.

Эти пожилые родители новорожденных свидетельствуют о рождении, сильно отличающемся от рождения в мире, в котором правит страх смерти. Пришло время исполнить данный Богу обет. Это происходит благодаря чудесному послушанию юной девушки, когда в ее теле зарождается Спаситель. Она ждала рождения ребенка и родила без страсти и боли, без мужины, сохранив свою девственность. Когда Богородица отдала себя в распоряжение Господа, были преодолены преходящая и распущенность человеческого рода. Новая Ева не выбрала исполнение собственной воли вместо послушания Богу, а посвятила всю свою жизнь приобщению к Нему. От Марии родился Новый Адам, исправивший испорченность первого Адама.

Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы мы обычно отмечаем во время

поста, предвещающего поминовение страстей Господних. Самопожертвование Богородицы и Господа взаимосвязаны. Но будем помнить, что ни Спаситель, ни Богородица не являются так называемыми обычными героями. Вместо того, чтобы сокрушить своих врагов грубой силой, наш Господь снизошел до распятия, смерти на кресте, погребения и сошествия в загробный мир, чтобы освободить нас от рабского страха смерти и привести к радости вечной жизни. Он не заставляет страдать других, а берет на Себя их страдания. Богородица была молодой, незамужней девственницей, не очень важной для своего общества. В глазах людей ее внебрачное ожидание ребенка было неприятным и неуместным. Впоследствии же она увидела, как ее Сын и Бог был осужден как богохульник и мятежник, и распят на кресте. Чистота и благодать Марии были скрыты от глаз; это видели только те, кто видел Спасителя в ее Сыне, – причем не несмотря на Его смерть на кресте, а именно поэтому.

Весь период поста и страданий наполнен духовной борьбой, посредством которой мы можем быть в некотором роде быть подобными Богородице в ее полном послушании и принятии Господа. Архангел сообщил Марии, для чего она призвана, и Мария ответила на призыв «да». Через нее Сын Божий соединил себя с родом человеческим. Мы призваны стать подобными Ему, слушая Божий призыв и откликаясь на него, стремясь к личному приобщению к Нему.

Если мы верим в эту радостную весть, мы не должны закрывать ни одну часть своей жизни для приобщения к Христу в святости. Так же, как и Он стал богом человеком, мы призваны следовать примеру Богородицы и принимать Его так, чтобы вся наша жизнь служила свидетельством Его спасения. Задача эта может показаться недостижимой. Как это вообще может быть возможным для таких, как мы, –

слабых и грешных людей, ведомых эгоистичными страстями?

Разве пост не показывает нам, как трудно открыться Христу в молитве, посте, милосердии, прощении и покаянии? Мы беремся за эти дела столь плохо, что зачастую лишь убеждаемся в своей слабости, не находя покоя, блаженства и радости. Если же относиться к посту серьезно, то он приоткрывает нам глаза на истинное состояние нашей души, и, если быть честным перед собой, в ней есть много такого, чего мы не хотели бы видеть. Это звучит, как плохая новость, но именно это нам и нужно. Поскольку, если мы хотим развиваться в личном приобщении к Господу, мы должны преодолеть все наши заблуждения, заглушающие весть, которую мы должны услышать. Если мы научимся говорить: «Се, раб Господень, да будет мне по слову твоему», – мы будем должны поступать согласно нашей истинной сути. Когда мы стараемся приобщиться к Богу посредством какой-то воображаемой святости или благочестия, мы приносим своей душе больше вреда, чем пользы. Мы можем обмануть себя, но мы никогда не обманем Бога.

Благодаря отклику Богородицы на слова архангела Спаситель стал одним из нас, соединив в Своем лице божественное и человеческое. Через свою милость Он призывает всех нас и позволяет нам обрести душевное здоровье, поделившись с нами Своей блаженной жизнью. Соблюдая пост, мы можем получить от Него дополнительную силу духа, одновременно становясь уникальными людьми, созданными Им по Своему образу и подобию. Да будет Богородица нашей героиней на этом пути, добрым примером того, что происходит, когда смиренный и послушный человек говорит Богу «да» от всего сердца. Нет иного пути уподобиться Ему, чем еще больше раскрыться для победы над страхом смерти, которую Его Сын одержал через крест и воскресение.

ВЕРА ПОСРЕДИ ВОЮЮЩЕГО МИРА

Протоиерей Маттиас Палли

Страшное испытание постигло близкую нам – и не только в прямом смысле – Украину. Я не могу предвидеть, какая ситуация сложится ко времени выхода нашего вестника, – может, даже наступит мир или возникнут перспективы на его заключение. В любом случае, эти события во многом изменили весь наш мир.

Эта война по своей жестокости открывает глаза и заставляет задуматься не только в политическом и социальном, но также в духовном и церковном плане. Ведь это несправедливое нападение было предпринято Россией, которая в последнее время становилась все более заметной как носительница и воплощение православной цивилизации. Концепция «русского мира», о

которой было немало написано, и широкое противостояние «вырождающемуся Западу» служат основными идеями войны. Но за этой дымовой завесой нетрудно разглядеть главное. Для того, чтобы продвигать дело православных славян, было совершено нападение на восточнославянский, православный в своем большинстве народ, отняты тысячи и тысячи жизней у людей, созданных по образу Божию, разрушены дома, больницы, школы и церкви. Против «православных братьев» уже воевали также в Приднестровье, Грузии, а также в 2014 году, когда был захвачен Крым и часть Донецка. Параллельно с государством уже некоторое время ведет свою борьбу также Русская церковь, нападающая на вселенский патриархат, внося смятение в православный мир и вторгаясь в чужие – особенно Александрийского патриархата – области.

Нетрудно понять, что такие вооруженные и прочие атаки не являются средством

распространения веры и благочестия, а представляют собой самое обычное выражение человеческого стремления к власти, наживе, стремлению подчинить в сфере политике, что, к сожалению, стараются скрыть за завесой духовности. Нынешняя ситуация может помочь всему православному миру лучше понять, что война и насилие не являются путями продвижения Царства Божия на земле. К сожалению, такие – как неоднозначные, так и однозначные – тенденции были в истории церкви и раньше. Некоторые из них даже оставили свой след в наших церковных песнопениях, житиях святых, и, в более широком плане, в образе мыслей. Конечно, при этом следует принимать во внимание исторические обстоятельства и представления, в том числе и тот факт, что Византия на протяжении многих веков находилась в окружении враждебных народов и, в более общем плане, мира, в котором отсутствовали современные возможности разрешения международных

споров. Однако никакую воинственность во имя сохранения религиозной цивилизации нельзя считать совместимой с ядром Священного Предания. Другое дело – защищать свою Родину от захватчиков, чем, например, сейчас мужественно занимаются украинцы. Церковь никогда не осуждала Оборонительную войну, жертвование своей жизнью ради друзей.

К сожалению, некоторые церковные деятели явно поддержали агрессивную войну, пусть даже с примесью пожеланий мира. Помимо перечисленных выше, приводятся в помощь и другие аргументы: борьба ведется с миром иллюзорной свободы, стремящемуся к земному счастью и сверхпотреблению. А для сильных мира сего пробным камнем стали гей-парады, – именно ради них было необходимо защищать Донбасс и Россию. Здесь, наряду с Эдвардом Гиббоном, следует признать, что тирания использует в своих интересах естественное отвращение человека к

порокам. Поддерживать разжигание несправедливой и необъявленной войны, бомбардировки городов и прочие акты устрашения посредством таких утверждений еще более чудовищно, чем проявлять низкопоклонство перед властью имущими, подтолкнувшее некоторых представителей духовенства к одобрению войны и несправедливости. Больше всего страшит деление мира в политическом плане на черное и белое, изображение жертв захватнической войны подручными дьявола, увязка защиты моральных принципов с преданностью тирану. Это позволяет попутно заклеить поборников христианской нравственности в других странах мира подручными и сторонниками нынешней России, – а среди них, к сожалению, есть и такие.

Тому, кто хоть немного в этом разбирается, понятно, что украинцы, конечно, не воюют за вышеуказанные парады или что-то в этом роде, а борются за традиционные ценности, такие как Отечество, свой народ, свобода принимать участие в управлении своим государством, исповедовать свою веру (или быть неверующим), и т.д. Конечно, эти ценности не являются свободой в высшем смысле, – свободой от греха и тленности мира сего, которая реализуется, скорее, в духовном измерении жизни. Да, свобода может включать в себя эти парады, если таковые считаются в обществе приемлемыми, и многое другое, что может нравиться не всем, но разрешено законом. Но свобода также включает в себя возможность выступать с критикой по отношению к ним и прочим явлениям. Если же запрещать, подавлять или осуждать тех, чье мнение, например, об однополых браках, смене пола или зачатию человеческой жизни нам не нравится, мы недалеко уйдем от тех, кто сбрасывает бомбы, оправдываясь защитой морали. Напротив, в таком случае мы имели бы дело с путинизмом наоборот. К счастью, мы не зашли столь далеко, хотя в воздухе уже витают предупреждающие знаки.

Война на Украине открывает глаза и в другом, более общем смысле. Мы знаем, что не живем в безопасном мире, в котором чувство безопасности, благосостояние и свобода только нарастают. На самом деле, мы прожили все эти 30 лет с осознанием того, что все может повториться. Но теперь мы чувствуем все это ближе и острее. Мы также знаем, что происходит в других странах мира, – наши солдаты выполняли опасные зарубежные миссии, погибали и получали ранения. Мы видели беженцев с Ближнего Востока и других стран. В нас вызывает беспокойство потепление климата и состояние природы в целом, мы жили пару лет в условиях пандемии коронавируса. Но теперь прямой и жестокий кризис подошел пугающе близко к нам. Однако знать, что в 21 веке столь безжалостное и циничное нападение на другую страну может произойти прямо здесь, по соседству с нами, – это что-то новое. При этом не исключено распространение войны также

на нас и даже развязывание мировой ядерной войны, – хотя риск ее и не велик, но вероятность все же существует.

Мы не знаем будущего. Но мы знаем, что в Библии идет речь о конце света, конце времен. Когда они наступят, скрыто от нас, хотя многие пытались это предсказать, вопреки явному запрету Христа. Толкование этих мест в Книгах пророков, Евангелиях и Откровении не является легким и показывает, что эти события не происходят в строгом, понятном человеческому разуму порядке. Но в одном Святом Писании и Святое Предание придерживаются единого мнения: когда-то этому миру придет конец. Не только время человеческой жизни, но и время этого мира ограничено; когда-то наступит конец и свершится суд. Также не существует никаких гарантий вечного существования какой-либо страны, народа или цивилизации, – будь то Рим, Россия, Эстония или свободный западный мир. Все в этом мире тленно, но

мы ждем «нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Петра 3:13). Мы надеемся на Царство, которое внутри нас (ср. Лк. 17:21), которое есть не этот мир, но исполняется среди этого мира.

Обо всем этом напоминают тревожные и жестокие времена. В то же время они не должны стать поводом для уныния и страха, бессилия или экстатического презрения к миру. Христиане призваны жить в этом мире по Его учению и уповать на Него, не презирать мир сотворенный, стремиться спастись от раскинутых в нем сетей тлена, смерти и греха. Это нелегко и неосуществимо в этом мире полностью, но с Божьей помощью мы можем положить тому начало; через покаяние, молитву, пост и добрые дела можем стремиться к воскресению. Даже если многие из наших дел останутся недоделанными, мы знаем, что Он придет к нам на помощь, что сила Его креста и воскресения будет с нами, что Дух Святой совершит в нас свою работу и очистит нас изнутри. Все в руках Господа, и то, что мы сделали с верой, живя по Его заповедям, останется нашим достоянием в грядущей жизни. Мы не верим в зло или суетность творения; мы знаем, что творение есть дело рук Божьих, отчасти испорченное грехопадением ангелов и людей, но которое вновь явится чистым и совершенным в плавильной печи конца времен.

Как сказал Сам Христос, «в мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир (ср. Ин. 16:33), и открыл путь к новой жизни. Что бы ни случилось, Его слова останутся неизменными. Однако все эти предупреждающие знаки побуждают нас покаяться и положиться на Него. Это все, что у нас есть, но это очень и очень много!

Дай, Господи, мир народу Украины и сохрани нас и весь мир от огня войны!

О ПОМИНОВАНИИ ГЛАВ ЦЕРКВЕЙ ВО ВРЕМЯ ЛИТУРГИИ. О помощи украинцам.

Во время Божественной литургии, после освящения хлеба и вина, преобразованных в тело и кровь Христову, ведущий службу священник поминает имя старшего для него священника (иерей – епископа, епископ – своего предстоятеля). Для этого служит молитва «В первых помяни, Господи...». Глава церкви поминает других глав Церквей, тем самым утверждая единство и целостность Православной Церкви. Список поминаемых имен называется диптихом. Помяновение кого-либо не является оценкой его дел, характера и т.д. Чтение диптиха выражает общецерковное единство, совершающееся не только через церковь как учреждение, но и через живого человека, предстоятеля.

В нынешние тяжелые времена, когда бушует неспровоцированная захватническая война России против Украины и мы узнаем об ужасных военных преступлениях, становится вполне понятным вопрос об упоминании главы Русской православной церкви на проводимом митрополитом богослужении. Многих ошеломило упоминание имени патриарха Кирилла, одобрявшего эту войну. Но для того, чтобы отказаться от упоминания его имени, должен быть проведен общий православный церковный суд для исключения его из помяновения. Однако этого не произошло, и не нам решать, кого помянуть, а кого нет.

Позиция нашей церкви ясна, мы единодушно осудили эту войну. Добавим к этому недавнее заявление святейшего патриарха Варфоломея: «Это не «святая» и «благословенная» война, как утверждают некоторые. Это сатанинская война».

Учитывая сложившуюся ситуацию, я дал певчим указание пропеть после имени патриарха Кирилла не «многая лета»,

а трижды «Господи, помилуй», что является молитвой за каждого грешного и заблудшего. Мы молим Бога прояснить отношение упомянутого главы Церкви, отношение, вредного как для православного, так и для всего христианского мира.

При всем этом я искренне прошу, чтобы никто не высказывал вслух свое отношение в церкви. После превращения святых даров, в особый момент присутствия Иисуса Христа, никакой шум и волнения неуместны. Могут быть разногласия во мнениях, но богослужение не является местом для их объявления. Также в нынешние трудные времена мы должны держаться в нашей малой церкви вместе и не дать врагу душ человеческих побудить нас на необдуманные слова и поступки.

*
Несколько слов о деятельности нашей церкви, вставшей на повестку дня в связи с прибывшими из Украины беженцами.

При Эстонской апостольской православной церкви действует украинский приход

Святого Георгия в Таллинне. Священник **Иоанн Христенко** (ivan.khristenko@gmail.com, тел. +372 56564743) организует помощь украинским беженцам, посещает крупные центры размещения беженцев. Если вы желаете помочь беженцам, можете обращаться непосредственно к нему.

Церковь, приход и город Таллинн подписали договор о расположенных в центре Таллинна помещениях, в которых планируется вначале открыть воскресную школу, а затем реализовывать в них программы, помогающие интегрироваться в эстонское общество. О долгосрочных целях мы уведомим наших читателей, когда проявятся контуры данной деятельности.

Со священниками нашей церкви связались размещенные в различных регионах Эстонии православные беженцы, которые были по-братски приняты приходами.

† Стефан,
Митрополит Таллиннский
и вся Эстонии

Platoni ordeni üleandmine Tallinna Issanda Muutmise peakirikus, 15. jaanuaril 2010. a.

Uinus Hermi Vain

Ülempreester Jüri Ilves

22. märtsil uinus 93. eluaastal kauaaegne õpetaja ja EAÕK Uue-Virtsu koguduse vanem Hermi Vain. Ta oli pärit Läänemaalt, õigeusklikust perest. Pärast Tallinna Õpetajate Instituudi lõpetamist 1951. aastal valis ta töökohaks Hiiumaa. Saarele jäi ta kooliõpetajaks 34 aastaks. Algul andis tunde Jausa koolis, 1953. aastast Kärdla keskkoolis, lisaks ka Kärdla õhtukoolis. Üle 30 aasta õpetas ta Kärdla Keskkoolis bioloogiat, keemiat, geograafiat ja joonestamist. 1985. aastal naasis Hermi Vain Läänemaale ja töötas seal õpetajana 2001. aastani. Kodukülla naastes asus Hermi lisaks pedagoogitööle taastama kahte kogudust: Hanila luteri ja Uue-Virtsu õigeusu kogudust. Jääme meenutama Hermi rõõmsat meelt, armastavat südant ja aktiivset eluhoiakut. Meie kirik on tunnustanud tema tööd õigeuskoguduse taastajana püha Platoni III järgu ordeniga. Igavene mälestus!

Vestlus diakon Teodor Kivihalliga

Vestelnud Piret Riim

6. veebruaril 2022. aastal pühitseti Tallinnas püha Siimeoni ja naisprophet Hanna kirikus diakoniks Heiko / Teodor Kivihall. Allolev lugu on kokku seatud intervjuust „Ortodoksia” sarjale Pereraadios, mille isa Teodor andis 10. märtsil, kuu aega ametis olnuna. Küsimusele, kuidas diakoniks saadakse, vastas ta, et vajalik on sisemine kutsumus, lähedaste nõusolek ja kirikupoolne kutse:

„Vaimulikuks saamisel peavad mitmed asjaolud kokku langema, ainult enda suurest tahtmisest, vastavast haridusest või kogemusest ei piisa. Mulle esitas konkreetse kutse metropoliit Stefanus. Seda, kas üks või teine inimene mõnesse ametisse pühitseda või mitte, otsustavad kõrgemad vaimulikud.”

Teodor meenutab, kuidas ta – tollal veel katoliku kiriku liige – sattus 18 aastat tagasi esimest korda pühade Siimeoni ja Hanna kirikusse, mis oli renoveerimise tõttu alles tellinguis. „Ometi ma tundsin, et just siin on mu kodu, siin on armastus.” Tal pole katoliiklastele midagi ette heita: „Oleme kõik erinevad inimesed ja ka meie teed teenimisele või Jumala juurde on erinevad. Mina näiteks ei tea siamaani, mis tunne on – plaks! – olla päästetud nagu baptistikogudustes. Mu elus ei käi muutused nagu nupulevajatusega.”

Kutse hakkab kõlama

Heiko salviti 18 aastat tagasi õigeusku. Paari aasta pärast pühitseti samas kirikus ametisse üks preester. Too sõnas Heikole, kes teda liturgia lõpus õnnitles: „Tule järele!” Teodor tunnistab: „Ma ehmatasin sellest väga ära, sest olin õigeusklik olnud ju alles kaks aastat. Aga see ütlus jäi mind saatma.

Nooremana kaalusin teoloogia õppimist Tartus, aga vaatamata huvile ei sobinud siis muud asjad. Lõpetasin hoopis Tallinna Tehnikaülikooli ökonomistina ja olen töötanud Eestis eri rahvusvahelistes ettevõtetes finantsalal. Murdepunktiks osutus aga õigeusu teoloogia õppimise võimalus EELK Usuteaduse Instituudis. Aastal 2016 tundus selleks õige hetk: lapsed olid juba suured, aega jäi rohkem. Palusin metropoliit Stefanuselt õnnistuse ja tema küsis: „Kas tahad saada vaimulikuks?” Siis ma jälle natuke ehmusin, sest ei osanud öelda „jah” ega „ei”. Tundsin, et saan enast ainult ette valmistada, sest haridus ei tähenda veel vaimulikuks pühitsemist.

Eelmisel sügisel küsiti minult nõusolekut juba otse. Kui selline kutse tuleb, siis saab olla valmis! Kuidas öeldaksegi: lõikust on palju, aga töölisi vähe. Nii pole see mitte ainult Eestis, vaid igal pool. Ükski meist pole ilmasammas, praegused töötajad ju ühel hetkel lahkuvad ja järgmised põlvkonnad peavad peale tulema.”

Ümbritsejate tugi

Teodori kinnitusele ei saa diakoniks õppida raamatust ega videost: „Seda ametit antakse käest kätte. Vajalik on praktika, mida saab ainult vanemate preestrite või diakonide käe all. Küpsemine ei sünni ainult suurest unistusest ega tahtmisest. Mõni aeg varem olin teeninud abilisena altaris, aga see katkes. Me abikaasaga ei olnud veel valmis, lapsed olid väiksemad ja tähelepanu mujal. Nüüd aga ütles abikaasa, kui me võimalikku diakoniametit arutasime, et ta on kogu aeg seda teadnud! Arvan, et palju on selle teenimise heaks aastate jooksul eestpalveid kantud. Tean, et palvetatakse Tallinnas, Saaremaal, Soomes...”

Näen vaimulikku teenimist eelkõige ohverdusena – sa annad end sellesse teenistusse. Nagu pühenduvad päästetöötaja, arst, medõde, kes loobuvad millestki muust. Kas on kahju? Ikka rõõm on! Mõni päev võib olla väga raske, üks võitlused ju käivad. Mina pole tundnud, et minust oleks pärast pühitsust saanud kuidagi teistsugune inimene. Siiani on kummaline, kui öeldakse „isa” – ehkki ma olen isa ja vanaisa, pole ma kuu ajaga koguduses sellega ära harjunud.”

Astmeline teekond

Diakonitöö sisu on Teodori jaoks metropoliidi või preestri abistamine jumalateenistustel. Sellega sobib kokku poolelioleva usuteaduse instituudi lõputöö teema liturgiliste raamatute tõlkimisest ja väljaandmisest eesti keeles alates usuvahetusest 1840ndate alguses kuni aastani 1917. Erinevate teenistus- ja lauluraamatutega puutus Heiko kõigepealt kokku instituudi

kogudusetöö praktikal lugejana Kohilas, Angerja Issanda taevaminemise koguduses, kuhu ta seejärel jäigi käima. Juulis 2021 õnnistas metropoliit Heiko koos kursesuvennaga lõpuks ka ametlikult lugejaks, mis näis jälle ühe märgi ja eeldusena teekonnal diakonipühitsuseni.

Diakon Teodor pühitseti tööle pühade Siimeoni ja Hanna kirikus, aga võib vajadusel teenida ka mujal, kui selleks õnnistatakse. „Diakoni kõige nähtavam ülesanne on ekteeniate, eestpalvete lugemine ehk kirikurahva palvete tõstmine Kõigekõrgema poole. Lugeja loeb samamoodi koguduse eest, aga diakon teenib lisaks altari ümber. Need on sama teenimise eri astmed, kus vastutus on järjest suurem.”

Treenimine ja kuulekus

Verivärske diakoni hinnangul tuleb tal nüüd harjutada lihasmälu, et jumalateenistustel sujuvamalt liikuda. Ta on tänulik, et vanemad kolleegid juhendavad ja vigadele tähelepanu juhivad: „Midagi ette ära õppida on väga keeruline. Võin vaadata videoid ja ajada teenistusraamatust järke, et mida öelda ja kuhu minna, aga varasem kogemus rahvatantsust ütleb, et kui on 16 inimesega vaja asja toimima saada, siis läheb päris tükk aega.”

Diakonitöö jääb isa Teodori vabatahtlikuks ametiks, leiba teenib ta endiselt finantsalal. Väikese lapselapse jaoks Tartus loodab ta piisavalt aega leida, samuti koerte jaoks. Heiko ja Anne Kivihalli hobi on koerte kasvatamine. Enamik neist on väikesed, kes ise üksteisele seltsi pakuvad. Suurega, hovawartiga tuleb aga jalutamas käia. „Eks ma jalutan siis hilisõhtul, mis on hea vaheldus. Minul on küll vaja kellegi eest hoolitseda ja koos koeraga on hea teha pikki jalutuskäike. Suure koeraga peab tegelema, kuulekust treenima, et ta üle pea ei kasvaks. Ta naudib ise ka, kui saab olla tubli!”

Fotod: Kai Tiislär